

Мария Лунёва

МИГУМИ

Мария Лунёва

Мигуми. По ту сторону Вселенной

«Мария Лунева»

2019

Лунёва М.

Мигуми. По ту сторону Вселенной / М. Лунёва — «Мария Лунева», 2019

«...— Не жаль вам дочь? — спросила она отца, все так же всматриваясь в мое лицо, словно пытаясь прочесть там что-то. — Обрати ее вам уже никто не отдаст. Вы теряете ее навсегда. — Вы так спрашиваете, словно я ее в крематорий привел. Выучится и станет работать на государство. Чего жалеть? — отмахнулся отец. — Ты слышала его, девочка, — она, наконец-то, проявила эмоции, и ее глаза злобно блеснули. — Запомни этот момент. То, что ты чувствуешь сейчас, называется «предательство». Подлое, ничем не прикрытое предательство. Это то, что в наших рядах запрещено. Мы — мигуми! Мы не предаем. Мы каратели, мы судьи, и мы же защитники. Ты станешь одной из нас. Теперь твое имя — 746. Запомни этот код, по-другому более к тебе никто не обратится. Так как тебя зовут? — Колючие глаза женщины буквально буравили меня, обдавая холодом...»

Содержание

Пролог	5
Глава 1	13
Глава 2	22
Глава 3	31
Глава 4	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Мария Лунева

Мигуми. По ту сторону Вселенной

Пролог

Праздник! У нас праздник!

Схватив яркий воздушный шарик за длинную ниточку, я радостно бегала вокруг кухонного стола, накрытого пестрой скатертью. Моя мамочка готовила особенный обед и напевала веселую мелодию из популярной рекламы, которую постоянно крутили на марсианской радиоволне.

Я тоже люблю песенки петь. В школе меня сразу взяли в хор и даже не посмотрели, что я еще маленькая совсем. И пусть я была там ниже всех девчат, зато я очень, прямо до неприличия, как подмечала бабушка, гордилась собой. Я часто хвалилась папе, что меня поставили в первый ряд с большими девочками, но он почему-то не говорил, какая я молодец.

Папа вообще редко на меня внимание обращал, и это огорчало. Он не играл со мной в разные игры, как папа моей лучшей подружки Клары. Ее папочка часто катал ее на большом синем левиакаре по вечерам. И меня они брали, но, к сожалению, лишь иногда, если бабушка была в очень хорошем настроении и разрешала мне вечернюю вылазку. Тогда мы с Klarой, визжа, устремлялись в небо на красивом бесшумном левиакаре, представляя, что мы – лихие космические пираты, а ее папа – наш могучий и бесстрашный капитан.

А еще ее папа устраивал походы в большом парке за городом, где высадили настоящий яблоневый лес, но мне с ними нельзя, потому что я маленькая. А так хотелось увидеть, как цветут деревья.

Когда я вырасту, то обязательно поеду. Это я сама себе обещала. И все ждала, когда же подрасту и стану высокой, как мама.

Но пока мне всего семь лет, и это еще сколько дней пройдет, прежде чем я стану совсем большой.

Мама готовила курицу, запеченную в фирменном остром соусе, рецепт которой увидела в кулинарном шоу для домохозяек. Мы не совсем законно, с помощью мощного усилителя сигнала, ловили марсианские каналы. В нашем поселении телевиденье стоило очень дорого, и оплатить развлекательные передачи мог далеко не каждый. На канале живой природы я узнала, что курица – это такая забавная птичка, которую выращивают на Земле на специальных фермах.

На Земле, родной планете всего человечества, очень интересно, и там есть настоящие животные. Они гуляют в зеленых парках размером с целый континент. Мы с классом и нашей любимой учительницей месяц назад летали на быстром межпланетном крейсере в огромный заповедник «Африка». Целый день гиды нас катали в больших тяжелых машинах на гусеницах – танкертах – и показывали много интересных зверюшек.

Мы стойко, прямо как местные жители – африканские племена, переносили жару и даже пить просили нечасто. В парке были очень красивые львы с лохматыми гривами и целое стадо полосатых лошадок, но больше всего мне понравились маленькие сурикаты, которые прятались в норки, когда мы к ним подъезжали. Нам разрешили покидать им орешки. Я кинула целых десять, и один зверек даже утащил мой орешек в норку.

Раньше на Земле было мало животных – они вымирали, потому что как жить им было негде: люди отравляли воздух и вырубали деревья, города были большие- пребольшие, и свободного места не оставалось. Нам об этом на истории Солнечной системы рассказывали. А потом

человечество покинуло родную колыбель – началось первое тысячелетие покорения космоса и новый отсчет времени. Он ведется с закладки первого кирпича в поселении на Марсе.

Постепенно люди покинули Землю и не только расселились на Марсе и Луне, но и обжили спутники Юпитера. А сейчас создаются поселения и на орбите Сатурна. И когда люди освободили континенты Земли, то места для зверей стало много, постепенно восстановили популяции почти исчезнувших видов. Некоторых пришлось даже клонировать из сохранившегося биоматериала.

Теперь третья планета считается заповедником и строго охраняется. Люди там, конечно, тоже живут, но только те, что за зверьками следят. И еще наш президент Солнечной системы с семьей, и какие-то важные дяди, которых по телевизору показывают.

А мы с мамой, папой и бабушкой живем на Ганимеде – на орбите гиганта Юпитера. Наша планета-спутник лишь немногим меньше того же Марса. У нас, к сожалению, не так красиво, как на Земле, и зелени почти нет, и цветочки под атмосферным куполом не растут. Но мне все равно нравится. На Марсе тоже не сразу сады цвели, а сейчас там огромные теплицы и оранжереи. И у нас когда-нибудь будут, так наша соседка говорит – она в службе озеленения работает и иногда приходит к бабушке в гости.

И живем мы в теплом и крепком доме, а под ним экран-фундамент, не дающий холоду ледяной поверхности океана проникнуть к нам. Когда-то все с сомнением относились к идее создать поселения на спутниках-гигантах – таких, как наш Ганимед, Каллисто, Ио, Европа. А сейчас даже Титан Сатурна осваивают.

Все из-за их поверхности. Дело в том, что под нашими ногами – замерзший океан. Это осложняло строительство крупных городов и создание оптимальной температуры. Но все решаемо! После формирования крепкого атмосферного купола, защищающего не только от космической радиации, но и от влияния самого Юпитера, поверхность Ганимеда, на которой размещались поселения, укрыли отражающими плитами, а под домами установили фундамент-экран, чтобы здание наверняка не просело и не промерзло.

Я знаю это, потому что мы с Кларой и ее папой писали доклад по истории освоения Ганимеда. Оттуда же узнала много умных и сложных слов. Я их даже писать умею.

Бабушка всегда поговаривает: мы должны быть счастливы, что живем на крупном небесном теле. И неважно, что это не планета, а всего лишь спутник, разницы по сути никакой. У нас есть небо над головой, мы ежедневно видим Солнце, и под ногами не холод железных полов-решеток, как на космических станциях-поселениях, а настоящая поверхность, пусть и ледяная.

Правда, папа постоянно с ней спорит и ругается. Ему всегда все не нравится. Он жалуется, что из-за того, что я родилась девочкой, у нас маленькая квартира, и другую нам бесплатно не получить. А еще нам не выдают социальных выплат, и папе приходится работать. Нет льгот на проезд, на медицинское обслуживание и еще много всего, что полагается родителям мальчиков.

Несправедливо, да, что мальчишек рождается намного меньше, и связано это с влиянием космической радиации на мужчин. Правительство делает все, чтобы заинтересовать население в их рождении. Но ведь не всем иметь сыночков, девочки же тоже нужны. Я вообще считаю, что быть девочкой лучше: мы красивее и умнее, и генетика у нас получше. Поэтому девочки служат в армии, и все ответственные должности тоже тети занимают.

Но папу в этом не убедить.

Он думает совсем иначе. Часто жалуется, что из-за меня у него не хватает средств на покупку левиакара, и ему приходится аж целый квартал идти пешком на работу. Бабуля обзывает его тунеядцем и заставляет найти еще одну работу. И вот тогда в доме случается жуткий скандал, мама защищает папу, бабушка кричит, что он лентяй и иждивенец, и вообще живет в ее квартире. А я в это время прячусь в шкафу и сижу там. Боюсь сильно, когда все кричат и злятся.

Но бывают совсем другие дни. Вот сегодня праздник. Мама была с утра в больнице, и там ей смотрели животик, потом она радостная звонила папе. Мы заказали целый пакет продуктов, и когда нам его доставили, мама принялась готовить большой обед. А папа отпросился с работы и уже едет домой.

Только бабушка почему-то хмурится и совсем с мамой не разговаривает.

У нас редко бывают праздники, так что я довольно крутилась на кухне и пыталась помочь взрослым, чем могла. Мама при этом странно хмурилась и ворчала. А когда я совершенно случайно уронила на пол ложки, вовсе выгнала меня в спальню и закрыла там. Обидно, я ведь только помочь хотела.

Дверь щелкнула, и раздался перезвон колокольчиков. Папа приехал. Затанцевав у двери, я стала ждать, когда же меня выпустят покушать вместе с остальными. Но все словно забыли о моем существовании. Папа кому-то звонил, все время говорил и говорил. Я легла на пол и прижала ухо к щели под дверью, пытаюсь расслышать, что же происходит и с кем беседует папочка. И вот чудо! Не знаю, кому он звонил, но он меня хвалил и рассказывал неизвестному собеседнику, какая я хорошая и умная девочка.

Я счастливо сощурилась и стала подслушивать дальше. Нехорошо, конечно, и воспитанные девочки так не делают, но должна же я знать, почему сижу тут взаперти!

Бабушка ругалась с мамой. Слов было не разобрать, но бранилась она громко. А потом кричать стал и папа.

– Это мое право – отказаться от ребенка в пользу другого! – его голос разносился по всему дому. – И не вам тут командовать, я буду делать то, что считаю нужным. Мне она не нужна! Она – балласт, и выгоды от нее никакой.

– Какая выгода может быть от ребенка? Ты же ее столько лет растил, воспитывал... и что, так просто выкинешь из жизни, словно и не было ее никогда?! Да пойми же ты, не вернут ее потом. Это навсегда, понимаешь? Ты же жизнь девочке ломаешь. Ты видел этих мигуми? Каратели! Ни чувств, ни эмоций. Ты хочешь, чтобы твоя девочка превратилась в это! Она же умненькая такая, здоровая, ну что еще тебе нужно?!

– Мне нужен сын! Я не хочу прозябать в нищете только потому, что у меня девка родилась.

От этих папиных слов стало очень обидно и захотелось заплакать.

– Так иди работать там, где платят. Ты, бездельник, – снова села на любимого конька бабуля. – Что ты трутнем паразитируешь? Не сын тебе нужен, пособия тебя волнуют! Думаешь, будешь их получать и заживешь богато? А совесть за погубленную дочь не замучает?

– Не замучает! Выучится и построит свою жизнь как захочет. Эти мигуми жируют за счет государства. Им все дозволено, никто им не указ, так что благодарна мне будет.

– Благодарна?! За что ей быть тебе благодарной? За то, что умрет молоденькой? Или за то, что семьи никогда не создаст и деток не родит? За то, что даже полюбить права иметь не будет? За это благодарить?! Одумайся, Фалькоп, это же твоя дочь. Дочь, родная кровь!

– У нас будет сын, нравится вам это или нет. И я хочу этого сына! Судьба Селены меня не волнует.

Услышав такое от родного папы, я все же тихо заплакала.

Я знала, что папа совсем меня не любит. Но одно дело знать, а совсем иное – это слышать. За что он меня так? Я ведь очень хорошая.

– Но ты даже еще не получил результат генетического обследования, а ты уже готов от нее избавиться! Срок беременности еще маленький. Ну, обожди немного, пусть все прояснится с вашим сыном, – умоляла бабушка. – Подай заявку на квоту, мы найдем деньги и оплатим ее. Добьемся разрешения на рождение сына, если он здоров. Ну не спеши, Фалькоп, пожалей доченьку свою.

– Чего ждать? Чем раньше подадим заявление на пособия, тем быстрее получим. И встанем в очередь на отдельную квартиру. А пока эту квоту ждать, так сколько времени пройдет? А вдруг отказ? Нет, я так рисковать не буду.

– Ну, доченька, – обратилась бабушка к маме, – хоть ты ему скажи! Селена же такая замечательная девочка, ну хоть ты свою кровиночку убереги.

– Фалькоп прав, – голос мамы звучал ровно и отстранено, – жизнь мигумы не такая уж и страшная. А я хочу свою квартиру. И денег нам не хватает даже на мелочи – ни на отдых не съездишь, ни даже в нормальный салон красоты не сходишь. Мне надоело покупать одежду в самых дешевых магазинах. Я хочу нормально жить, а рождение сына все поправит. Хоть человеком себя почувствую.

– И вот на какие-то тряпки дочь променяешь?! – свирепо рыкнула бабушка. – Ну тогда слушайте: если Селену отдадите – выметайтесь из моего дома, и чтобы вас тут не было. Не будет ее, не нужны здесь и вы, вместе с сыном со своим.

Что-то дзынькнуло и разбилось. Все замолчали. Мимо комнаты кто-то тяжело прошел, и спустя минутку хлопнула входная дверь. Дома стало совсем тихо, только животик мой бурчал от голода.

В комнате я сидела долго, за окном стемнело. Я тихо плакала и обнимала своего родненького и такого любимого плюшевого кролика Норика. Мне его папа купил на прошлый день рождения. Это был мой самый верный друг. С Нориком мы ходили в школу и гуляли на улице, и даже спал он со мной на подушке. Он совсем маленький, чуть больше моей ладони, и я всегда носила его в кармане штанишек.

За дверями кто-то ходил. Папа опять куда-то звонил. Я же хотела кушать и не понимала, почему праздник не получился, что я такого ужасного сделала, раз папа с мамой меня не любят? Забравшись на бабушкину кровать, я свернулась клубочком и запела песенку, которую мы учили сегодня в школе.

Дверь скрипнула и в комнату, наконец, вошла мама.

– Собирайся Селена, вы с папой уезжаете.

– А куда? – хлопнула носом я.

– На Землю. Мы переводим тебя в другую школу, и теперь учиться ты будешь там.

– А вы с папочкой тоже переезжаете? – обрадовалась я.

Жить на Земле – это же так здорово!

– Нет Селена, ты будешь жить там одна. А мы – навещать тебя иногда.

Мама совсем не смотрела на меня. Она вытащила мой рюкзачок и стала складывать туда какие-то вещи.

– Я не хочу одна, я хочу с вами здесь. Я не поеду!

Как так – одна? Не хочу! А как же мои подруги и бабушка?!

– Не перечь, быстро вставай и собирайся! Отлет через час, а еще до космопорта добраться надо, – поторопила меня мама. Я разревелась.

– Я не хочу, мамочка, не поеду!

Было страшно. Меня хотят увезти из дома, куда-то к чужим, где я никого не знаю. Меня выгоняют. Сердечко сжалось и забилось сильно-сильно. Ладони стали влажными. Давясь слезами, я громко рыдала, прижимая к себе бабушкину подушку.

– Замолчи сейчас же, – рыкнула мама, – у нас с папой будет ребеночек, Селена. Твой братик! И чтобы он родился, тебе надо уехать в школу. Ты же хочешь, чтобы братик появился?

Мама смотрела строго и как-то сурово, а я не хотела даже слушать, что она говорит. Я уже ненавидела этого их братика. Это он виноват, что теперь я никому не нужна. Если бы не он, меня бы любили, и я жила бы с мамой и папой. Зачем он вообще появился?!

– Не хочу я братика, я хочу жить дома с вами!

В комнату ворвался папа. Он ухватил меня за руку, сдернул с кровати и больно ударил по попе. Потом еще раз и еще. Бил он сильно, и истерика нахлынула с новой силой. Попа горела огнем, а сердце жгла лютая обида на всех.

– Быстро оделась и в коридор! – скомандовал папа. – А ты... нечего разводить с ней беседы. Пусть спасибо скажет, что вообще на свет появилась! – прикрикнул он на маму.

Папа часто был злым, и спорить с ним бесполезно. Хлюпая носом и в голос подвывая, я сунула Норика в карман и пошла обуваться. Мне было так обидно и горько. Руки тряслись, когда я защелкивала магнитные липучки на ботиночках.

Я всегда старалась быть хорошей девочкой. Училась лучше всех, меня на целый год раньше взяли в школу. И любили меня все, и хвалили. Все-все! Кроме мамы и папы. Для них я всегда была пустым местом, они словно не замечали, что я существую. Что я здесь, рядом с ними. Мои открытки и поделки не ставились на полочки, как у подруг. Они выбрасывались. Мои тетрадки с оценками «отлично» никто не проверял. Никто никогда не провожал меня в школу и не встречал, не водил поесть пирожное в кафетерий мистера Вока на двенадцатой улице.

И дни рождения не отмечались. Весь праздник заключался в покупке простой игрушки. Не было веселых представлений, аттракционов и торта. Нет, меня одевали и обували, конечно, и кормили, и игрушки у меня были, но не было внимания, как у других девочек. Меня никогда не целовали и не обнимали. Не гладили по голове и не поднимали за руки, чтобы я перелетела через бордюр тротуара.

Я слишком рано стала это понимать и изо всех сил пыталась исправить отношение к себе. Старалась быть самой хорошей. Но все напрасно – теперь у папы с мамой будет другой ребенок. Его они будут любить, у него будет все, а меня выставят не просто в другую школу, в другой город... Меня увезут на другую планету и бросят там, как ненужную вещь.

Слезы текли по щекам, хотелось убежать и спрятаться под кроватью, чтобы не нашли. Но это бесполезно. Папа только сильнее отлупит.

Обувшись, я обреченно стояла и ждала папу, размазывая слезы по лицу. Жалобно поглядывала на маму, пытаюсь поймать ее взгляд. Но она не смотрела, словно и нет меня уже. Сунув мне в руки рюкзак, она просто вытолкнула меня за дверь. Даже не поцеловала на прощание.

Отец схватил меня за руку, грубо потащил к подъехавшему левиакару. А я смотрела по сторонам и ждала помощи. Может бабушка подрастет и не отдаст меня? Ведь ей же я нужна, она-то меня любит. Но почему же она просто ушла и не оставила меня себе? Тоже предала, как и все остальные.

Никто не появился и не помешал папе затолкнуть меня в левиакар. Дверь с тихим шипением закрылась, отрезая нас от остального мира и приближая неизбежное. Папа обозначил на табло управления конечный маршрут – космопорт. И мы поехали.

– Папочка, не отдавай меня в другую школу, я буду самой хорошей, обещаю, – в очередной раз взмолилась я, мой голос стал хриплым от слез.

– Замолчи, Селена, ты еще маленькая и не понимаешь. Я мужчина и хочу сына. Это все твоя мама, если бы она следила за своими днями, то не проворонила бы беременность. И был бы у нас первенец – мальчик, потом бы и тебя родили. И квота бы была на второго, – бурчал отец. Мое горе его совсем не трогало, глаза пылали злостью. – Еще и бабка твоя... ну ничего, одумается и сама попросит, чтобы мы вернулись. Не дура же она, от внука отказываться!

– Ну папочка, ну пожалуйста! Ну, давай вернемся домой, – канючила я, плача и пытаюсь забраться отцу на коленки. Обнять его крепко-крепко, чтобы не отпускал. – Я так люблю тебя, ну миленький, любименький! Я буду лучшей доченькой во всей вселенной, – я прижалась к его большой груди и слушала, как бьется родное папочкино сердце. – Поехали домой, ну пожалуйста, поехали обратно.

– Хватит, Селена! – отец отпихнул меня на соседнее сиденье, подальше от себя. – Мы с мамой уже все обсудили. Ты уезжаешь в школу мигуми, а мы отказываемся от родительских прав в пользу сына. Все уже решено, и тебя ждут.

Остаток дороги я сидела тихо. Обняв колени холодными руками, смотрела в окно на мелькающий город. Ну в чем я виновата, что девочкой родилась? Я с тоской и болью поглядывала на папу, не хотела верить, что меня вот так отдадут чужим и забудут. Ведь я знаю, что не приедут меня проведать. Кого отсылают на Землю, тех больше никто не видит. Там закрытые школы, где учат военных тетей.

А я быть солдатом никак не хотела.

Я мечтала стать поваром, работать в кондитерской на углу двенадцатой улицы и каждый день кушать самые разные пирожные, какие только захочу.

Я хлюпнула носом и отвернулась от отца. За круглым окном левиакара в свете фонарей видны низкие трехэтажные квадратные дома, сложенные из серых темных блоков, и в их окнах горел свет. Мне тоже хотелось оказаться сейчас где-нибудь там, быть чьей-нибудь любимой доченькой. Быть маминой девочкой. Чтобы и косички плести, и вместе, вдвоем тортик печь по тем рецептам, что показывают днем по телевизору. И чтобы папа вечером приходил и играл со мной в лошадку, чтобы уроки вместе делали. А по выходным они бы приходили послушать, как я пою в хоре и всем бы рассказывали, что я их доченька, гордясь мною.

– Папочка, поехали домой, пожалуйста, я к маме хочу, – проревела я, истерика накатила с новой силой.

– Заткнись, Селена, не усложняй, тебе там будет хорошо. На государственных харчах кому же плохо живется? – хмыкнул отец. – Вырастешь, еще спасибо скажешь.

– Ну, папа, папочка, миленький, не хочу туда, – настаивала я, еще надеясь на что-то.

Левиакар остановился, и двери открылись. Папа вышел и, схватив меня за руку, потащил в порт. Мы быстро прошли какие-то кассы и столы, где дядя одним ударом пробил дырочки на наших билетах. Никто не смотрел на меня, всем было безразлично, что сейчас меня увезут далеко-далеко, и я никогда больше не вернусь домой. Плачущий ребенок никого не интересовал.

– Цель визита на Землю? – задал вопрос дяденька в красивой голубой форме и с крыльшками на фуражке.

– Отдаю дочь в школу мигуми, мы с женой ожидаем сына, – как-то до обидного радостно сообщил отец.

Дяденька ничего не ответил, но как-то горько глянул на меня. Пройдя на межзвездный крейсер, папа с трудом нашел наши места. Они оказались в самом хвосте салона. Он протащил меня по узенькому пространству между двумя рядами кресел. Его не заботило, что я за ним не попевала и больно ударялась, натываясь на чужие сумки и острые локти.

С ним я больше не разговаривала. Поняла, что все бессмысленно, и хотела выглядеть взрослой, чтобы ему стыдно стало отдавать такую серьезную и умную, а главное – послушную дочь каким-то там тетям. Вокруг царил тишина, люди спали. Уснула и я.

Страшное дребезжание и чьи-то возгласы прорвались сквозь мою дремоту. Все почему-то волновались, лишь стюардесса ходила и с улыбкой на красивом лице предлагала напитки.

– Вашей девочке приготовить сок, господин?

Папа расцвел в ответной улыбке и как-то слишком внимательно посмотрел стюардессе за ворот. Заглянула туда и я – у нее была ну очень большая грудь. И как только с такой ходить?

– Не надо, она не хочет, – все так же глядя тетеньке в вырез, ответил папа.

– Везете дочь на экскурсию? О, сейчас в европейском Париже проходит выставка картин, посвященных миру первого столетия покорения космоса. Там так чудесно, сама посещала ее с дочерью. Она у меня замечательно рисует и подает большие надежды...

– Нет, папа везет меня в школу мигуми, – поделилась я своим горем, – у них с мамой будет другой ребенок.

– Селена, прекрати немедленно! Не смей меня позорить, – зарычал отец.

Женщина отошла от нас на шаг, холодно посмотрев на отца. Больше она ничего нам не говорила, лишь молча налила мне сок из красивого автоматического кувшинчика и дала пироженку на маленькой тарелочке. Пироженка была вся из крема, и сверху красовалась настоящая красная ягодка. Пока крейсер приземлялся, я кушала, ведь вчера ни обеда, ни ужина так и не дождалась.

В космопорту на Земле нас уже ждали четыре женщины. Несмотря на разный цвет волос, рост и даже комплекцию, они неуловимо походили друг на друга. Их строгие и холодные лица, серая облегающая форма и собранные в тугие косы волосы отталкивали, почему-то создавая ощущение опасности. Пока мы приближались, я успела рассмотреть их бластеры, висящие на поясе в кобуре. И многочисленные широкие накладные кармашки на штанах выглядели странно, а когда в одном из них блеснуло острие ножа, я испугалась по-настоящему.

Чем ближе папа подтаскивал меня к ним, тем сильнее я сопротивлялась и упиралась пятками в пол изо всех своих детских сил. Разозленный отец сильно дернул меня за руку, и я упала. Остаток пути он просто протащил меня по полу. Проходящие мимо люди осуждающе смотрели на нас, но на все мои крики о помощи никто не среагировал. Замерла я, только когда увидела перед собой тяжелые ботинки на странной шнуровке, их носок был из темного металла. Одна из женщин, присев рядом на корточки, положила руку мне на затылок и заставила взглянуть ей в лицо. Там не было совсем никаких эмоций. Это очень напугало, и я пыталась отползти к отцу, но тот только подопнул меня обратно к этой женщине.

– Не жаль вам дочь? – спросила она отца, все так же всматриваясь в мое лицо, словно пытаясь прочесть там что-то. – Обратно ее вам уже никто не отдаст. Вы теряете ее навсегда.

– Вы так спрашиваете, словно я ее в крематорий привел. Выучится и станет работать на государство. Чего жалеть? – отмахнулся отец.

– Ты слышала его, девочка, – она, наконец-то, проявила эмоции, и ее глаза злобно блеснули. – Запомни этот момент. То, что ты чувствуешь сейчас, называется «предательство». Подлое, ничем не прикрытое предательство. Это то, что в наших рядах запрещено. Мы – мигуми! Мы не предаем. Мы каратели, мы судьи, и мы же защитники. Ты станешь одной из нас. Теперь твое имя – 746. Запомни этот код, по-другому более к тебе никто не обратится. Так как тебя зовут? – Колючие глаза женщины буквально буравили меня, обдавая холодом.

– Семьсот сорок шестая, – послушно ответила я.

– Молодец, с тебя будет толк, – похвалила она.

– Подписывайте отказную, эта девочка нам подходит. Больше прав на нее вы не имеете, – обратилась к папе одна из этих страшных женщин.

Быстро подскочив к мигуми с рыжими волосами, отец чиркнул стикером на тоненьком планшете. Все, меня отдали и предали! Я заревела еще сильнее и надрывнее.

– Вот и замечательно. А это вам.

Женщина протянула отцу какую-то цифровую бумагу.

– Что это?

– Это результат генетического исследования плода вашей жены, – мигуми сделала паузу, я же притихла, желая узнать, что же там такое. – Ребенок имеет выраженную мутацию.

– Мутацию? – рассеянно повторил папа. – Можно сделать генную коррекцию.

– Нет, нельзя, – издевательским тоном возразила женщина. – Вы зря отказались от здорового ребенка с таким высоким уровнем интеллектуального развития. Учитывая возраст вашей жены и ваш сомнительный генотип, скорее всего, в последующих детях вам будет отказано. Предательство наказуемо, мистер Горстон, особенно когда предаешь любящего вас чело-

вечка, – женщина как-то мерзко улыбнулась моему вмиг побелевшему папе. – Всего вам доброго, мистер Горстон. Думаю, мы больше не увидимся.

Подняв меня на ноги, женщины, более не обращая внимания на папу, направились к выходу из порта. Я постоянно оборачивалась и пыталась запомнить лицо моего папочки. Хотя он и предал меня, я все равно любила его всем сердцем. Он же, осознав услышанное, так и застыл с листом информационной бумаги в руках.

Плача, я засунула руку в карман и впихнула кролика Норика глубже. Почему-то была уверена, что если его увидят, то непременно заберут. И тогда у меня совсем не останется семьи.

Глава 1

20 лет спустя

Астероид С1134, колония поселение строго режима для особо опасных заключенных

– Семьсот сорок шестая, что там у вас? – из портативной рации, закрепленной на моем виске, послышался чуть шипящий голос непосредственного начальства. – Своими не рисковать, гражданских оберегать. По возможности зачистить строение. Как поняла?

– Приказ принят, девяносто шестая, – негромко ответила я. – Включаю изображение. Сами оцените обстановку.

Нажав едва заметную черную точку над ухом, я активировала голографические очки со встроенной многофункциональной аппаратурой. Среди прочего там была и камера с мощным разрешением. Вся информация с нее шла сразу в головной компьютер корабля, на котором мы прибыли, а оттуда – в центр внутренних дел Солнечной системы, на Землю. Вот там сейчас и сидела мой командир, дистанционно управляя официально спасательной (а по сути, карательной) операцией.

Очки закрыли непроницаемым серым щитом верхнюю половину моего лица. Покрутившись, я позволила камере передать объемное изображение происходящего. А смотреть тут было на что. Четверо суток назад в центр мигумы поступил сигнал о бунте на этом режимном объекте. Но вместо того, чтобы сразу направить карательный отряд, сюда выслали специальную группу тюремной охраны. Их высадка была зафиксирована, но на связь они так и не вышли.

Теперь ясно почему!

Просто отсылать отчеты тут уже некому. Вокруг меня в разных позах лежали тела более чем двух десятков мужчин. Похоже, они угодили в западню сразу же, едва выбрались из крейсера-конвоира. Полнейшая глупость.

Еще бы сами застрелились на радость зекам.

– Девяносто шестая, изображение приходит без помех? – поинтересовалась я. – Вам видна обстановка?

– Более чем, – хмыкнуло начальство. – Тела сложите и упакуйте. Подготовьте к отправке на крейсер.

Следующий час мы таскали изуродованные страшными ожогами трупы охранников и методично распихивали их по черным пластиковым изоляционным мешкам. Они прекрасно сохраняли целостность тканей, препятствуя разложению, и не пропускали запахов. Что было очень кстати, когда приходилось превращать космический крейсер в огромный летающий морг.

А именно это, похоже, нам и предстоит сделать.

Стало понятно, что этими двадцатью телами дело не кончится. Уж больно тихо вокруг. Да и прибыли мы поздно – поубивали они тут друг друга. Сначала, как водится, единым ударом перебили тюремную охрану, ну а потом пришел черед выяснять, кто тут «король горы». Так что нам останется только добить последних и вытащить по возможности всех жмуриков. Хорошее задание, не пыльное, но вонючее больно.

Управившись с этой партией черных мешков, мы скинули их на платформу. Уважение к мертвым выказывать будем позже.

Далее необходимо обследовать само здание тюрьмы, не пропуская шахты и подземные отсеки. Скользя серыми тенями за дверь, мы беззвучно двинулись по коридору. Громкость на рации была отключена, все приказы мне передавались в наушник. Пока девяносто шестая молчала. И мне ей доложить нечего. Но это только пока, впереди еще много потенциальных и реальных покойников.

Дойдя до первого уровня, мы нашли уже частично разложившегося постового охранника. Недалеко от него – еще два тела в черных одеждах.

Заключенные! Надо же, какие шустрые, смогли вырваться из основных отсеков.

Приложив к их головам устройство и нажав кнопку активации, я молча наблюдала, как красное месиво с частично виднеющимися костями исчезало в черном пакете. Свалив тела на магнитную раздвижную платформу, поставила на ней маячок навигатора, задав путь на посадочную площадку. Справившись с этой простенькой задачей, кивнула девятьсот пятьдесят первой. Она рылась в компьютере за столом охраны, пытаясь найти активные камеры слежения. Но по раздосадованному выражению ее лица я поняла, что таковых не обнаружилось.

Выдернув диски-накопители со всем архивом видеозаписей, мы двинулись дальше.

Генераторы работали с перебоями. Свет мигал и периодически потухал на несколько секунд. Это слегка раздражало. В комнате отдыха охраны нашли еще десяток покойников в синей форме с именными нашивками. Еще несколько мужчин встретили свой конец в коридоре. Видимо, пытались спастись бегством. Только вот куда тут бежать? С астероида не выбежешься.

Тела также запаковали по мешкам и сгрузили на доски с навигационным маячком. Портативных грузовых мини- платформ меня еще много. Они парили, сложенные высокой стопочкой, за моей спиной. Ну а пакетов вообще на пару таких тюрем хватит.

Выходя с пропускной зоны первого уровня, я шепотом приказала остальным рассредоточиться вдоль стен. Здесь начинались тюремные камеры. Живых, по всей вероятности, вряд ли найдем, но сюрпризы случаются. Порой тяжелораненые еще опаснее будут. У них от страха и паники башню сносит так, что и на своих с бластерами кидаются. За нами в коридорах оставались лишь платформы с трупами, медленно плывущие к выходу на посадочную площадку.

Обходя по очереди небольшие комнаты с решетчатыми дверями, мы оценивали масштаб трагедии. Не для заключенных, а для женщин охраны. Первую, совсем еще девочку лет двадцати, сняли с трубы у входа на второй уровень жилых помещений. Девушку долго насиловали. Ноги, почерневшие от синяков и засохшей крови, были неестественно вывернуты. Из одежды остался только грязный, некогда белый бюстик, болтающийся на талии. Страшное зрелище для неподготовленных людей, но не для нас.

Сколько их уже было, молоденьких и старушек? Смерть настолько плотно вошла в нашу жизнь, что мы практически перестали обращать на нее внимание.

На лицо погибшей я глянула в последнюю очередь. Перед моими глазами, на внутренней стороне серого щита, тут же активировалось окно распознавания объектов. На темном голографическом экране замелькали лица, видимые лишь мне одной.

«Ирвана Крит, двадцать один год, уроженка Ио, статус – охрана».

– Упаковывайте, – скомандовала я своим. – И поаккуратнее будьте, не насорите.

Под ногами что-то неприятно чавкнуло, когда девочку уже засасывало в пакет. Вот же... предупредила же, чтобы без грязи. Глянув вниз, поморщилась. Пока девушку вертели, из разрезанной брюшины частично выпали внутренности, и именно на них я наступила.

Теперь придется проходить санитарную очистку и нюхать мерзкий аммиачный запах.

– Восемьсот восьмая, вы человека к транспортировке готовите, а не скотину, – раздраженно процедила я. – Еще раз подобное повторится, получите выговор.

– Поняла, семьсот сорок шестая, постараюсь быть аккуратней, – пробормотала подчиненная.

Девчонка только из школы выпущенная, еще ароматы дезинфекторов не нюхавшая. Хотя вид у нее сейчас и без того нездоровый, зеленоватый какой-то.

– Ты не постарайся, а сделаешь, – рыкнула я на нее, – и если не контролируешь организм, то проваливай на крейсер, а то проблюешься мне тут.

– Я в норме, семьсот сорок шестая, – прошипела она.

Ну, это ничего, гонор у таких пропадает быстро.

Хмыкнув, я еще раз сурово глянула на эту новоиспеченную мигуми. Мне уже понятно, что это ее первое и, скорее всего, последнее задание. Во всяком случае, в моем отряде. По возвращении откажусь от нее, указав банальную причину: «несоблюдение уставных отношений». А дальнейшая ее судьба меня не волнует. Так будет лучше и для нее, и для нас. Но пока ей об этом знать не стоит.

– Заканчивайте здесь, – поторопила я остальных.

К сожалению, растерзанная Ирвана оказалась далеко не единственной. Остальных охранниц постигла примерно та же судьба: изнасилованных женщин, насаженных на вмонтированные в стену крюки для фиксации заключенных, мы находили все чаще и чаще. Возле них порой валялись и тела их терзателей. Охранницы задорого отдавали свою невинность и жизнь.

Идентифицируя одну за другой, я вдруг поняла, что мужчин-охранников не видно. Либо согнали их куда и прикончили, либо взяли в заложники. Скорее всего, второе. Не могли зеки, наигравшись, не понять, что мигуми придут рано или поздно, и тогда ни с кем тут переговоры вестись не будут. Перебьют и все. А значит, пришла им в голову мысль, как спасти свои шкуры. Охранники-мужчины с хорошим генотипом, способные зачать детей, были ценны. И это знали все.

– Девяносто шестая, отсутствуют тела мужского пола со статусом «охрана». Найдена только дюжина на пропускном пункте.

– Я это тоже заметила, – незамедлительно ответили мне.

– И какие будут распоряжения в случае появления заложников? – поинтересовалась я, уточняя рамки дозволенного.

– Гражданских по возможности сохранить, но первостепенная цель – зачистка заключенных. Право принятия решения за тобой, семьсот сорок шестая.

– Я вас поняла, – улыбнувшись, ответила командиру.

Такое положение дел радовало. Жизни охранников меня вообще мало волновали. Раз пошли служить сюда – значит, понимали, что не детишек на качельках охраняют. Денег здесь платили много, но и риск велик.

– Мы закончили, – услышала я.

Обернувшись, увидела, что тела уже сложены на магнитную доску. И тут же тренированным зрением уловила движение за дверью. Вскинув бластер, безошибочно определила цель.

За приоткрытой дверью в следующий сектор стояло как минимум трое. Мигающий свет то и дело освещал их тени на стене. Умом притаившиеся явно не отличались и, похоже, даже не понимали, что легко обнаружили себя.

Остальным мигуми ничего объяснять не пришлось.

Двенадцать облаченных в серое женщин тихо прислонились к решетчатым стенам. Медленно мы продвигались к входу. Подойдя вплотную к незапертой двери, шестьсот восемнадцатая с силой пнула ее. Судя по воплям, кому-то она травму нанесла, это точно. Не мешкая, я и стоящая напротив меня мигуми выскочили в коридор, парой прицельных выстрелов уложили на пол убегающих заключенных, облаченных в одни черные штаны. За нами вышли и остальные.

Подойдя к одному из покойников, я носком ботинка перевернула свежий и теплый труп. Небритый детина мерзкой наружности. Низ его живота и резинка брюк были в крови, явно не его. Насильник! Видимо, рыскали и высматривали тут кого-нибудь для развлечения. Это одновременно и плохо, и хорошо. Раз ищут, значит, еще не всех перебили. Плохо то, что шастают они, не сидят на месте.

Второй уровень зачистили быстро, оставались воздушные шахты. Указав пальцем на люк в потолке, отдала немой приказ семьсот двадцатой. С ней мы знакомы еще со школы мигумы, сидели в одном ряду на уроках. Так что понимали друг друга без слов уже как минимум десятков лет. Не мешкая и не нарушая царящую вокруг тишину, моя подчиненная сорвала крюком крышку. Активировав нанобеспилотник размером с ноготь мизинца, девятьсот пятьдесят первая запустила его в шахту.

Камера, встроенная в нашу юркую «мушку», четко фиксировала все происходящее внутри. Тепловые визоры обнаружили пару крыс да одно остывающее тело, которым эти грызуны и обедали. Поразмыслив, решила, что лезть за ним никто не будет. Одним трупом больше, одним меньше. Можно подумать, кто-то из родственников безвременного скончавшегося и обглоданного крысами пожелает забрать труп и предать его дорогостоящему ритуалу погребения. Да еще спасибо скажут, что мы его тут забыли, как бы цинично это ни звучало. Так что, взяв с помощью нашего беспилотника пробу ткани для установления ДНК покойника, мы двинулись дальше.

Если кому-то покойничек этот потребуется, так и без нас достанут. Запустят сюда ремонтную бригаду для восстановления тюрьмы и вытащат то, что от жмурика этого останется. А обнаружится там немного: крысы тут неизбалованные, обглодают тело до белых костей.

Усмехнувшись своей черствости, двинулась дальше.

У открытых дверей в сектор для особо опасных и буйных зеков мы ненадолго остановились. Вламываться туда всей дружной женской компанией чревато. Тел заключенных нашлось очень мало, от силы треть. Отдав приказ пятьсот сорок второй и триста первой, оставила их у входа для подстраховки. За нашими спинами живых точно нет, но береженого, как известно, высшие силы берегут. А терять кого-то из отряда я не хотела: мы давно знакомы, сработались уже, в какой-то степени сдружились и притерлись. Да и писанины потом не оберешься.

Активировав все ту же «мушку», запустили ее в еще не обследованный отсек. На экране моих гало-очков появилось трехмерное изображение пустых камер, в некоторых обнаружили тела в черной робе, сваленные на нарах. Одни заключенные – и пока ни одного охранника.

А вот дальше... мой желудок предательски ухнул. Что случилось крайне редко.

Залетев в комнату отдыха и по совместительству столовую для заключенных, «мушка» села на стену и беспристрастно продемонстрировала, что там творилось. Картина открывалась жуткая. По стенам на трубах были повешены искалеченные охранники-мужчины. Все они еще живы. Датчики, встроенные в беспилотник, четко фиксировали их сердцебиение. Раны поверхностные и не угрожающие жизнедеятельности.

Но не это показалось мне жутким. На столах возле подвешенных лежали две женщины. То месиво, в которое их превратили, препятствовало определению личности. Распухшие, почерневшие лица, разбитые губы и изувеченные тела. Все в порезах и запекшейся крови, с вывернутыми ногами и болтающимися словно плети руками, они представляли собой страшное зрелище даже для меня, выдавшей всякое. Каким же монстром нужно быть, чтобы совершать такое? И что за изверги наблюдали за истязаниями, не вмешиваясь в происходящее?

Стиснув зубы так, что на скулах заиграли желваки, я заставила себя проверить женщин на жизнеспособность. Первая оказалась мертва, но вторая... ее сердце билось. Медленно, едва слышно. Пытаясь успокоиться, я потеряла вспотевшую шею.

Конечно, она не жилец, но позволить ей и дальше мучится как-то неправильно. Совсем неправильно и недопустимо.

Вокруг за столами расселись заключенные. Они пировали. Пищевой аппарат был разворочен; всюду валялись грязная посуда и перевернутые стаканы.

– Обнаружено около трех десятков заключенных, сосредоточены в одном помещении. Приказ, – я выдержала паузу, – тотальное уничтожение без переговоров. На стенах подвешены охранники, все условно живы, поэтому огонь вести прицельно.

Серыми тенями мы бесшумно двинулись вперед. По пустым коридорам разносился приглушенный топот наших ботинок.

Заглядывая в камеры, я подсчитывала трупы – камера фиксировала каждый из них. По моим оценкам, те тридцать в столовой были последними. Остальные сто с чем-то тел кучей свалены в камерах.

Все как я и думала. Эти твари, растерявшие все человеческое, просто перегрызли друг другу глотки. Не останься живых охранников, я вообще бы оставила их тут – все равно подошли бы с голоду. Но гражданских бросать не принято, и приходилось проводить такие вот зачистки. Сколько их уже было, таких тюрем и шахт-поселений? И везде одно и то же. Трупы и деградировавшие моральные уроды, возомнившие, что они выше закона и имеют право распоряжаться чужими жизнями. Калечить и насиловать.

Все так же бесшумно мы добрались до входа в столовую. Из помещения доносился хохот и шумное веселье – похоже, зеки праздновали. Откуда только спиртное взяли? А баловались они точно не чайком. Вонь немых тел и кислого перегара стояла такая, что впору кислородные маски надевать.

И надели бы, да нет их при себе. А жаль. Придется вдыхать этот смрад.

Отсчитав на пальцах до трех, я сорвала с пояса дымовую гранату и закинула внутрь. В панике эти придурки стали выскакивать из комнаты по одному. Прямо как по заказу. Мы их тут же аккуратно снимали с бластеров.

Бестолковое стадо.

Дым рассеивался медленно. Насчитав двадцать два трупа, я показала на пальцах, что в комнате осталось минимум восемь. Вскинув оружие, в сопровождении еще двух мигуми вошла в комнату, и тут же меня опалил выстрел из мелкоимпульсного бластера. Такие использовали охранники.

Вреда мне, конечно, это не нанесло – ткань прекрасно отражала такие заряды. Хотя небольшой ожог все же останется.

Напротив меня, за опрокинутым столом, сидели недостающие потенциальные покойники. Красные помятые лица с выпученными глазами, в которых от перепоя полопались сосуды. Они смотрели на нас так, словно прищельцев увидели.

Мы успели выстрелами снять троих, пока эти недоумки не догадались полностью укрыться за металлическими столами.

– Обмен, мигуми, нас на оставшихся охранников! – заверещал прокуренным голосом один из них.

– Сколько охранников ты мне предложишь? – флегматично уточнила я.

Это важно, потому как четверых мужчин и одну женщину мы не обнаружили. К тому же не хватало двух заключенных. Здесь в комнате обнаружилась еще дюжина трупов в черном и один полуживой паренек со следами насилия. Женщин им мало, что ли, было, чтобы еще и своего так извращено поиметь? Мерзость полная.

Мальчишка стонал от боли и скреб ногтями металлический пол. Бегло осмотрев его повреждения, поморщилась. Вот извращенцы больные. В мире, где женщин в сотни раз больше мужчин, творить такое непотребство. Мерзость!

Кровь на теле паренька была свежая и еще не подсохшая, ноги изрезаны ножом. Разбита голова. Под ним растекалась внушительная розоватая лужа. Мочевой пузырь не выдержал. Паренька стало как-то по-человечески жаль.

Сняв параметры его лица, я быстро нашла несчастного в базе. Перед глазами промелькнула пара десятков фотографий и замерло изображение девятнадцатилетнего Грегора Войсовски. С экрана визора на меня смотрел улыбающийся мальчишка с длинными вьющимися волосами. Обвинение в космическом пиратстве. А конкретно – соучастие в разбойном нападении на сухогруз, доставлявший редкие металлы с добывающих заводов из пояса Койпера в марсианские порты.

Смешно!

Да какой с него пират в его возрасте? Занесло пацана не туда, и попал под общую раздачу. Срок – пять лет в колонии строгого режима, отсидел уже три. Строго с ним обошлись и незаслуженно. При нападении никто не погиб, даже толком не пострадал, так, пара синяков у членов команды. Не повезло пареньку конкретно.

– Семерых, я отдам тебе семерых! – послышался все тот же хриплый визг из-за поваленного стола. Я уже и забыла об этих смертниках, озаботившись судьбой их жертвы.

– Хм. А чего так скромно-то?

Жестами обозначив приказ снять этих переговорщиков, я и сама двинулась к столу. Они сидели, прижавшись к столешнице спиной, поджав ноги. Зацепив мебель, я дернула ее на себя, опрокидывая на пол и оставляя мужиков без укрытия. Затем прижав дуло бластера к носу центрального, заинтересовано уточнила.

– Осталось пять человек со статусом «охрана» и два зека. Скажешь, где они, сдохнешь быстро, нет – мучиться придется очень долго.

Мило улыбаться я умела. Чумазого перекосило. Выпучив на меня покрасневшие глазницы, он оскалился гнилыми зубами, оглушая меня вонью изо рта.

– Меняю их на свою жизнь! Пока не поклянешься, что я останусь жив, – не скажу, где они.

– Неправильное решение.

Отведя бластер от его лица, выстрелом проделала ему аккуратную дыру в животе. Заключение обмяк мешком и затих.

Переведя оружие на второго, повторила вопрос:

– Пять охранников, одна женщина, два зека. Где они?

– Наверху, – затараторил более сговорчивый сиделец, – забаррикадировалась в кабинетах. Там они, мы их выкуривали, но они прочно засели. Живые были... Не стреляй, мигуми! Я все сказал. Не вру я. Пощади, не стреляй!

– А вот это уже хороший ответ, – улыбнулась я.

Визор услужливо подsunул информацию об этом просителе. Сарус Свонт, тридцать четыре года, осужден за ограбление и соучастие в убийстве двух и более лиц. Тут же промелькнуло изображение двух умерщвленных этой тварью девочек лет десяти.

– А когда девочек убивали, что же ты для них пощады не просил? – невинно хлопая глазами, спросила я. – Не заслужили? С чего мне вдруг к тебе милость проявлять? Чем ты ее заслужил?

Мужика передернуло. По лицу скользнула еле уловимая тень раскаянья и сожаления. Хотя нет, показалось. Страх это за собственную шкуру.

– Не убивайте меня, я пойду на любую сделку...

– Предложение отклонено.

Приложив бластер к его глазу, нажала на курок. В черепе осталась лишь выжженная дыра.

Отойдя от остальных трех еще живых мужиков, коротко скомандовала:

– Зачистить тут.

Двинулась в сторону изнасилованного паренька. Но была неожиданно остановлена.

– Вы не имеете права, семьсот сорок шестая, убивать без разбору, это не в ваших полномочиях, – восемьсот восьмая преградила мне дорогу и уставилась с вызовом, открывая мне прописные истины. – Кто дал вам право судить? Мы обязаны доставить всех живых на крейсер.

– Вот это новость! – довольно хмыкнула я. – Ну тогда бери их и волокни за собой, раз они тебе так нужны.

– И где их таких умных делают? – хмыкнула в наушнике девяносто шестая, молчавшая до сих пор. Я рассмеялась.

Но веселье кончилось, стоило мне как следует рассмотреть паренька, лежащего в углу комнаты рядом с кучей уже подванивающих покойников. Его насильовали, причём жестоко. Смотреть на его повреждения было неприятно.

Молча активировав реанимационную капсулу, я приложила её к ногам пострадавшего. Его тело словно погружалось в сплюснутый мыльный пузырь. На мгновение вспыхнула сеть стабилизирующих нитей; на мини-табло загорелся зелёный сигнал. Тело перевернулось, занимая шадящее для его повреждений положение, и взмыло в воздух.

Оглянувшись, увидела в воздухе ещё с десятков аналогичных портативных медкапсул, уже с телами охранников.

– Семьсот сорок шестая, что делать с ней?

Семьсот двадцатая скорбной тенью стояла рядом с распотрошенной, но ещё живой женщиной-охранницей. Вторую уже упаковали в чёрный пакет и осторожно разместили на магнитной платформе. Отдельно от остальных тел. Все молчали, даже ещё живые зеки, все так же сидящие на полу, выглядели бездыханными изваяниями.

Мои шаги эхом отдавались от стен. Подойдя вплотную, я пыталась понять, как же быть. Медкапсул было мало, а ещё пять потенциальных раненых. Но охранницу откровенно жаль, и даже выданные после диагностики шесть процентов на положительный исход не помогли принять решение.

Ещё раз оглядев женщину, хотела уже отдать приказ добить, но вдруг заметила, что она что-то сжимает в руке. Осторожно разжав её пальцы, я вытянула небольшую пластиковую карточку, с которой мне улыбалась маленькая девочка с ямочками на щечках. Светлые волосики, собранные в пышный хвостик на макушке, большие наивные голубые глаза и зажатый в маленьких руках плюшевый мишка.

Что-то дрогнуло в груди и тяжело заныло.

«Дочь», – догадалась я.

И язык не повернулся приказать умертвить её маму. Я понимала, что поступаю неправильно, но промелькнувшее воспоминание о детстве развеяло все сомнения. Непроизвольно я сжала своего собственного кролика, лежащего в кармане, – он всегда со мной.

– В капсулу её. Вколите дозу обезболивающего и восстанавливающие генетические хаониты, – распорядилась я, а фото малышки осторожно вложила обратно в ладонь женщине.

– Это пустая трата медикаментов. Вы действуете не по уставу, – восемьсот восьмая начала откровенно меня раздражать. – Да только мучения её продлеваете, нельзя же так.

– Заткнись, а? – оборвала её обличающую речь пятьсот семьдесят вторая, молчавшая до этого момента. – А то я тебя сама угомоню. Шанс выжить у неё есть, а значит, будет бороться.

С телами мы провозились долго.

Страшный груз медленно выплывал из помещения и устремлялся на выход. Сопроводить его смысла нет, все равно обратно мы пойдем той же дорогой. Если где маршрутизатор собьется – подкорректируем и вывезем на платформу. А вот раненых отправить вслед мертвым не решились. Прозрачные медицинские капсулы парили над нами.

Все-таки там ещё живые люди, и, в случае чего, мы сможем оказать им хоть какую-то помощь. Пара капсул с обезболивающим и хаонитами у нас оставалась, и хоть это действительно дорогостоящие препараты, для умирающих мне было не жалко.

Активировав наручники с парализаторами на трех оставшихся в живых заключенных, мы двинулись в административную зону. Лично мне было понятно, что лучше и даже гуманнее было бы пристрелить эту троицу ещё здесь, но прущий со всех отверстий максимализм

восемьсот восьмой раздражал. Вот и прочту ее. Пусть возится с ними и доставит на суд праведный. Заполняет кипу бумаг и прочей бюрократической радости, чтобы в итоге ее «спасенных» отправили в кремацию, или, того хуже, в колонии на астероидный пояс Койпера, где они сохнут в течение года – либо от непосильного труда, либо от нестерпимого холода.

До места добирались не спеша, по пути методично обследуя все помещения. Ни мертвых, ни живых там ожидаемо не было, но действовать необходимо по давно установленным правилам. А значит, оставлять за спиной хоть один необследованный закуток или даже хозяйственную кладовочку права не имели.

Войдя в административную зону, столкнулись с новой проблемой. Здесь как минимум двое заключенных. Возможно, они под охраной, а может, наоборот держат в заложниках гражданских. Бесшумно подходя к каждой двери, мы прислушивались. Раненых и закованных зеков оставили за большими дверями, под охраной одной из мигуми.

Нужную дверь обнаружили быстро.

Девятьсот пятьдесят первая указала на кабинет, где тихо стонала женщина. Дав ей разрешение на действия, я отошла к стене. Девятьсот пятьдесят первая лучше любой из нас в том, что касалось электроники. Взломать компьютер, кодовый замок, вскрыть любые двери и даже угнать хоть левиакар, хоть крейсер – это все к ней. Таких талантов среди мигуми еще поискать, и мне безоговорочно повезло, что служит она под моим руководством.

Тем временем моя подчиненная уже размагнитила замок на двери и без единого щелчка распахнула дверь. Все влетели туда разом. Но увидели совсем не то, что ожидали. Заключенных здесь не наблюдалось. У дальней стены сидели два охранника со спущенными штанами, заляпанными кровью и прочими биологическими жидкостями, а в противоположном углу, постанывая, корчилась от боли их изнасилованная коллега. Она была обнажена, на теле виднелись синяки, лицо разбито, нос кровоточил. Следы на бедрах говорили о том, что женщина была невинной. Это и понятно: все отношения между мужчиной и женщиной до вступления в брак были под строгим запретом. Такова политика правительства: нет случайных связей, нет нежеланных беременностей и кучи брошенных в роддомах младенцев, нет и проблем с вынужденными союзами. А значит, и число разводов опустилось к минимуму.

Изнасилование каралось жестоко, вплоть до смертной казни. И то, что эти двое сотворили такое, не совсем укладывалось в моей голове. Остальные тоже смотрели на охранников в недоумении, и только подошедшие сзади заключенные с конвоиром весьма точно подметили:

– А вы еще нас за зверей держите. Эти-то чем лучше?

И вот ведь даже крыть нечем. От заключенных этого в принципе и ждали, но чтобы свои же! Первой отмерла моя начальница.

– Семьсот сорок шестая, что там у вас? – неуместный вопрос, она и сама прекрасно видит, что тут у нас. – Доложите.

– Слушаюсь, девяносто шестая.

Что тут докладывать-то? Я идентифицировала личность пострадавшей и включила громкую связь так, чтобы приказы начальства были слышны всем.

– Двое гражданских, Рихт Маурс и Жезе Вьен, обвиняются в изнасиловании своей коллеги – Кожетты Лавьер, и причинении ей травм предварительно средней степени тяжести. Доказательства виновности... – я замаялась, – налицо. Вы можете сами оценить их внешний вид.

Начальство сопело и не торопилось принимать решение. Как по мне, так пристрелить их тут же и все. Но это же мужчины, гражданские, а значит, даже перед такими мразями расшаркиваться станут.

Однако последующий приказ меня поразил.

– Приказываю ликвидировать обвиняемых, их вина не вызывает сомнений. Выполнять.

Слова девяносто шестой четко прозвучали на всю комнату. Охранники отмерли и протестующе замычали, но их уже никто не слушал. Впереди стоящие мигуми скользнули к ним, и помещение озарили две вспышки бластеров. Пострадавшую же женщину поместили в медкапсулу.

Приказ девяносто шестой я осмыслила чуть позже – по-видимому, не захотели раздувать дело. А так пристрелили охрану и спихнули все на заключенных. С изнасилованной договаряется. В крайнем случае промывают мозги и вызывают кратковременную амнезию.

Оставалось найти еще двух гражданских и столько же заключенных. Они тоже где-то тут, за одной из многочисленных дверей. Играть в тихих невидимок мне надоело, да и шума мы уже наделали столько, что только глухой бы не услышал. Поэтому я просто вышла в центр административной зоны и гаркнула во все горло:

– Говорит командир карательного отряда мигуми. У вас ровно минута на то, чтобы обозначить свое местонахождение – в противном случае открываю огонь на поражение.

Если мужики умные, то выползут. Если нет, то и не жалко.

Минуты не понадобилось: ближайшая от меня дверь щелкнула, и оттуда вышел мужчина среднего возраста в синей форме и с бластером в кобуре. Окинув меня осторожным взглядом, он чуть сдвинулся в сторону и вывел двух парней, закованных в наручники.

Я заметила, что парализаторы там не активированы, да и следов длительного контакта с тесными обручами на запястьях заключенных не наблюдалось. Ясно, что заковали их только сейчас. Следом за этими двумя вышел еще один молодой охранник и встал так, чтобы прикрыть собой зеков. Я хмыкнула и опознала личности облаченных в черную робу. Марк Конски и Глеб Пуше. Статья «пиратство», возраст – двадцать и двадцать один соответственно.

Ясно, очередные горемычные искатели приключений.

– Активируйте парализаторы и ведите заключенных к остальным.

Заметив за моей спиной живых заключенных, старший охранник скривился. Но ничего не сказал. Сверив первоначальные данные с тем, что я получила в итоге, убедилась, что обнаружены все заявленные зеки и гражданские.

Осталось только выбраться отсюда и доставить груз на Землю, в центр управления внутренними делами. Здание тюрьмы я опечатала. Все записи с видеокамер мы изъяли. Вроде всё. Махнув рукой на выход, мы уверенно, не скрываясь, двинулись к проходной. Наши шаги звучали четко. Все молчали. За нами парили медкапсулы с ранеными. Периодически мы поглядывали на мониторы контроля состояния. Особые опасения вызывала женщина, обнаруженная в столовой с фото малышки, но ее показатели на уровне нормы. Признаться, очень хотелось довести ее живой, поэтому, вынув из кармана предпоследнюю поликарбонатную капсулу с хаонитами, я сделала еще одну инъекцию. Это мой личный запас, так что распорядиться им могу, как пожелаю.

Посадочная площадка обрадовала без малого тремя сотнями тел плавающими над землей. Вопрос, как их распахать по крейсеру среднего класса, рассчитанному на команду из двадцати человек, очень актуален. Когда нас сюда посылали, об этом почему-то никто не подумал.

Сверху из нашего космического судна спустился широкий аэролифт. Мы отправили наверх капсулы с ранеными, потом пришла очередь черных мешков. Заключенные стояли тихо и проблем не создавали. Закончив грузить покойников, мы подняли и их.

Я покидала астероид последней, как и подобает командиру отряда.

Глава 2

Планета Земля, горы Урала, межпланетный космический порт Парма, жилая зона

Утро не радовало. Я проснулась, когда на небе еще были видны звезды, и теперь лежала на узкой койке, смиренно ждала рассвета. Бессонница меня уже давно не заботила. Первое время я пыталась с ней бороться. Принимала лекарственные препараты, плавала перед сном, слушала рекомендованную музыку, но все было напрасно. Ночь перестала отличаться от дневного времени. Сон если и приходил, то кратковременный и поверхностный. А последний месяц, казалось, я и вовсе не спала.

Словно дремала, только мучая себя.

О причинах своего недуга старалась не думать, но получалось плохо. Оставаясь в темноте комнаты наедине с собой, сложно отогнать непрошенные мысли. Память, лютый враг, снова и снова прокручивала картины прошлого. Перед глазами стояли лица убитых.

Говорят, что мигуми бесчувственны, что в нас нет ничего человеческого. Это ложь. Маски безразличия спадают, стоит нам остаться в одиночестве.

И тогда приходит страх.

Парализующий ужас безысходности. Понимание, что так будет всегда, и ничего иного впереди нет. Ни близких, ни друзей, только мелькающие в памяти имена тех, кто погиб от твоей руки. И становится неважным, что это были за люди и что они совершили. Имел значение лишь тот факт, что это в твоей руке не дрогнуло оружие. Это ты пролил его кровь.

Все, чего я ждала от жизни – это смерть.

За стеной зашумел кухонный пищевой аппарат. Вот и дорогие соседи проснулись. Дом оживал, стряхивал остатки сна. Значит, можно вставать и мне.

Дом, в котором я проживала, особой шумоизоляцией не отличался. Словно в коммуналке жили одним семейством. Ни секретов друг от друга, ни личной жизни. Можно было стать невольным свидетелем скандалов семейной пары, живущей справа в тесной квартирке, или слушать вопли кота старушки-соседки слева. Этот кот был моим любимцем. Какие арии он иногда закатывал ночами, призывая к большой любви кошечку соседки сверху. Порой она отвечала ему не менее страстно. За что и получала, видимо веником, по кошачьему филею от своей молодой незамужней хозяйки.

Я жила в этом доме уже более десяти лет. Соседи менялись нечасто, и все уже привыкли, что за стеной обитает мигуми. Поначалу как-то шарахались и старались даже не шуметь, но этот этап наших соседских отношений прошел, и я стала просто одной из жительниц дома.

Я негромко включила телевизор. Вмонтированная в стену тонкая панель активизировалась, и замелькали разные каналы: новости, мультфильмы, что-то про животных, кулинарный канал...

– Стоп! – отдала я голосовую команду.

Шоу «Лучший домашний рецепт». По возможности я всегда его смотрела. Приятная ведущая и очень вкусные блюда. Кое-что я старалась повторить и на своей кухне.

Готовить я обожала. Одна беда – все, что было сварено или потушено, уходило в контейнер-утилизатор. Угощать мне некого, а сама все съесть я не способна. Да и грустно это – обедать всегда в одиночестве. В такие моменты как никогда чувствуешь свою незначительность и ненужность.

Даже поговорить не с кем. Так и жила от задания к заданию, тихой ненужной жизнью. Иногда замечала, что начинаю говорить сама с собой. А порой спорила с телевизором. Одиночество душило и медленно убивало. Жизнь теряла краски и грозила превратиться в серый безликий секундомер, отчитывающий мгновения моего жалкого бытия.

Но пока меня еще радовал процесс приготовления пищи.

– Курицу необходимо тщательно промыть и снять шкурку. Особое внимание уделяйте крылышкам. Лишнее лучше обрезать для придания им красивого вида...

Приятная женщина средних лет в белом передничке с рюшечками делилась своим фирменным рецептом. Я немного прибавила звук, пользуясь панелью управления.

– Далее необходимо будет сделать надрезы в филе и хорошо натереть солью. Не бойтесь пересолить, курица плохо вбирает в себя соль. Можно поэкспериментировать с иными приправами. Добавить, например, перец. Закончив, отложите птицу в миске на полчаса. Этого времени хватит, чтобы мясо просолилось, а мы тем временем займемся овощами...

Присев на диван, я внимательно наблюдала за женщиной. Ее слова глухой болью отдавались в памяти. Всплывали картины прошлого, о котором я предпочитала не думать. Вот так мама когда-то готовила отцу праздничный ужин, а я бегала вокруг нее, играя с купленным мне воздушным шариком.

– Берем красный сладкий перец, помидоры, картофель, лук и морковь. Нарезаем все соломкой и смешиваем в одной емкости. Готовить курицу будем в рукаве в конвекционном шкафу, обложив ее нашими овощами...

– Выкладывать птицу лучше сверху на овощи, – прошептала я, – так при жарке мясо даст сок, и блюдо получится вкуснее.

По моему лицу стекали непрошенные слезы. Я помнила тот день и тот ужин. Ужин, который мне так и не довелось попробовать, и ту проклятую курицу, что запекала мать, готовясь сообщить отцу радостную новость о долгожданном сыне.

Проклятый ужин, проклятая курица!

Я помнила все, словно это было вчера. Боль не ушла и не стала меньше. Иногда я отвлекалась от нее, но стоило оказаться одной, как воспоминания с новой силой терзали сердце и не давали покоя. Я так и не поняла, за что и почему мне сломали жизнь! Чего не хватало родителям? Чем я не угодила?

Их сын так и не родился. Спустя несколько недель случился выкидыш. Мама пыталась сохранить ребенка и не сразу обратилась к врачу – глотала кровоостанавливающие пилюли и что-то еще. Это стало ее роковой ошибкой. Пошло осложнение. После длительного лечения диагноз для них с отцом был неутешительный: «вторичное бесплодие».

Стало ли мне лучше от того, что у них больше нет детей? Нет, не стало. Ни на толику.

Полгода назад я узнала о смерти бабушки. Нет, я не следила за судьбой родных специально, ни разу не наводила о них справки. Но у судьбы свои планы на нас.

Выехав на очередную катастрофу с пассажирским космическим лайнером, бесцельно слоняясь среди сложенных в ряд на металлической платформе станции мертвых тел, я совсем не понимала, к чему тут мы. Не теракт и не нападение пиратов. Судно столкнулось со швартовым шлюзом из-за ошибки пилота. Всего лишь неправильно введенные координаты – и чтыреста двадцать оборванных жизней.

Такое случалось, но мигумы тут были лишними. Уже хотела отзывать отряд, когда натолкнулась взглядом на лежащую среди остальных бездыханных тел женщину со смутно знакомыми чертами лица. И сделала то, что и тысячи раз до этого.

Я опознала ее личность.

«Хелена Вайнова, семьдесят два года, уроженка Ганимеда».

Сухие данные, просто имя и возраст, но сколько жгучей, мучительной боли я испытала в тот момент. Как сумасшедшая носилась среди остальных тел, пристально вглядываясь в каждую женщину и каждого мужчину, страхась разглядеть родные черты отца и матери.

Казалось, что я просто сошла с ума.

С задания меня сняли с осторожной формулировкой «переутомление», и только девятношестая понимала, в чем была причина моего срыва. Тогда же я узнала и о бездетности родителей. Мне хотелось думать, что у них другая дочь, которую они, в моем понимании, просто обязаны любить после того, как жизнь их жестоко проучила со мной. Но нет. Они были одиноки, не завели даже собаки.

Вот так всю жизнь прожили только ради себя. Я не понимала их нисколько. Как можно, имея возможность прожить полную счастливую жизнь, вырастить ребенка, баловать внуков, не воспользоваться всем этим? Как? Не понимаю и никогда не пойму!

Разогрев на завтрак булочки, заказанные еще вчера в ближайшем ресторанчике, села пить черный чай. Сделав первый глоток, зажмурилась на мгновение, наслаждаясь приятным бархатистым вкусом. Платили мне хорошо, и я могла баловать себя хотя бы качественной едой. На Земле выращивали огромные чайные плантации. Отсюда, с земных портов, большие партии разлетались по всей Солнечной системе. Чай, как и кофе, пили везде: и на планетах, и на космических станциях.

Чашечка ароматного напитка по утрам объединяла все человечество, но и делила на два непримиримых лагеря, потому как у одних в этой чашечке приятно пах кофе, а у вторых – черный чай. Я же была двойным агентом, потому как одинаково любила оба этих напитка.

Моя передача кончилась, а больше смотреть по телевизору было нечего. Новости я не любила. Все равно правды там не дождешься: то, что там говорили, строго выверялось и контролировалось специальными правительственными структурами. Оставив канал с музыкой, я активировала уборщика.

Пузатый низкий бочонок с пружинистыми трехпальными металлическими руками, ненавязчиво жужжа, заскользил по моей комнате-студии. Грязи тут, конечно, немного, но пыль все же скапливалась. Так что свое жилье, в котором я обитала набегам, старалась не запускать.

За стеной назревал скандал. Молодая пара, у которой недавно родилась дочь, шумела все чаще. Уж не знаю, что им там делить, но ссора набирала обороты, и крики сменились женским всхлипыванием. Разревелся и ребенок. Не мое это, конечно, дело, и в чужую семью лезть как минимум неприлично, но не могла я спокойно слушать всю эту пустую ругань.

Одевшись в извечную серую форму, я выскользнула в коридор. Подойдя к соседней двери, хотела уже постучать, но в последний момент передумала. Это их жизнь, сами разбираться должны, без третьих сторон.

Развернувшись, пошла на выход. День обещает быть теплым и солнечным. Так чего же сидеть в душной квартире, если можно прокатиться, например, в горы и насладиться свежим воздухом и природой? Особенно природой.

Как же я мечтала об иной жизни, где у меня был бы свой домик, непременно с садом, любимый муж и ребенок – доченька, а может, и сынок. Мечты! Несбыточные и нереальные!

На стоянке возле дома стоял мой красивый серебристый левиакар. Я долго выбирала модель и остановилась на скоростном одноместном варианте. Мой «железный конь» был небольшим, с обтекаемыми блестящими боками, подмаргивающими круглыми лупоглазыми ретро-фарами. Обошелся он мне в неприличную сумму, но нужно же хоть куда-то тратить заработанное. Вот я и тратила как могла. О покупке не пожалела ни разу. Левиакар очень мягко скользил над землей, его не трясло даже в самых верхних воздушных коридорах. Про то, какие скорости он развивал, когда я покидала воздушные трасы и вылетала в стратосферу, и говорить нечего. Признаться, завидовала сама себе.

За спиной что-то звякнуло. Обернувшись, безошибочно нашла на втором этаже окно своих соседей. Оттуда высовывался мужчина и грозился что-то скинуть вниз; за ним, пытаясь дотянуться до предмета, зажатого в его руке, подпрыгивала молодая женщина. И все это на фоне громкого плача их малышки.

– Утомонили бы вы их, что ли, – сбоку ко мне подошла пожилая дама с первого этажа, – сил уже нет слушать это. Последний месяц так вообще ни дня покоя. Да ладно они – малытку жалко, всю нервную систему порушат девочке своей.

Я с ней согласна, но все равно влезать в чужие проблемы не хотелось.

– Если так продолжится, вмешаюсь, – обнадежила соседку.

Ее кот приветственно терся об мои ноги. Присев, я погладила этого рыжего усатого толстячка и тут же заметила следы кошачьего произвола на нижней части двери своего левиакара. Этот пушистый проказник, кажется, решил пометить мою собственность. Усмехнулась, глядя на его мурчащую довольную мордочку – словно и не его лап дело. Вот наглый пушистик.

– Что-то давно вас не видно было, мы уж со Степанидой из пятнадцатой квартиры испугались, что и не вернетесь вовсе. Страшная у вас работа.

– Когда-нибудь не вернусь, – пробормотала я, – но вам не стоит об этом думать. Лучше напишите заявление на этих наших дебоширов, пусть будут у местных инспекторов на виду. К добру такие семейные склоки не приводят. Если я пожалуюсь, им худо будет, а если от вас сигнал придет, то действовать будут мягко. Да и я вечером поговорю с ними, пусть успокоятся немного.

Женщина кивнула, соглашаясь с моими словами, и направилась в сторону дома. Она прожила здесь всю жизнь, работала в местном парке лесничей, а после выхода на заслуженный пенсионный отдых ей оставили квартиру и назначили небольшие ежемесячные выплаты. Так что со своим неизменным спутником котом они ежедневно обходили территорию дома и были в курсе всего, что происходило у их соседей.

Сев за пульт управления левиакара, я задала координаты маршрута за город, на небольшую смотровую площадку. Там всегда безлюдно. Вокруг царил тишина и умиротворение – именно то, чего мне всегда не хватало.

Включив автопилот, я откинулась на удобное кресло и прикрыла глаза. В это время воздушные городские туннели практически пусты, так что столкновений, заторов или пробок можно вовсе не опасаться. Левиакар бесшумно скользнул вперед и, быстро набрав нужную высоту, легко вклинился в самый верхний поток скоростной дороги.

За опущенным боковым окном мелькали верхние этажи офисных зданий. У кафетерия толпился народ, пытаясь за короткий обеденный перерыв купить чашечку кофе и булочки. Женщины с детьми бегали от одного бутика к другому. Маленький портовый город жил своей жизнью, над ним нависали тысячелетние горы, которые видели еще докосмическую эпоху. Тогда вся жизнь людей была сосредоточена исключительно на земной поверхности, а полет в космос казался чем-то фантастическим и нереальным.

Чем дальше я отдалялась от центра Пармы, тем ниже становились строения. Здесь, на окраине, неуклюже примостились экологически безопасные заводи и мастерские. Большой торговый комплекс и стадион, на котором уже лет пять как ничего не проводилось. Город наш не избалован грандиозными событиями. Жизнь в нем скучна и размерена.

Вскоре я переключила управление на себя, легко скользя по воздуху. Без труда добралась на широкое горное плато и остановила левиакар у самого края. Отсюда открывался шикарный панорамный вид на город. Но не за этим я приехала.

Опустив крышу, откинула кресло и устроилась поудобнее.

Над головой покачивались, скрипя, длинные сосны с голыми стволами.

Сигнал своего личного пеленгатора я отключила, и теперь никто меня не потревожит. Тело расслаблялось, лицо обдавал легкий ветерок. Где-то за спиной раздавались трели пти-

чек. Изредка слышался хруст веточек. В воздухе витал запах смолы. Все это усыпляло. Глаза слипались сами собой. Так хотелось сменить обстановку и почувствовать себя хоть немного счастливой.

Легкая дрема затягивала, и в какой-то момент я окончательно отключилась.

Я была в квартире. Ее обстановка казалась смутно знакомой. Я почти уверена, что если открою межкомнатную дверь, то увижу небольшую кухню. У окна с желтыми занавесками будет стоять маленький стол с задвинутыми под него легкими пластиковыми табуретами. У стены – духовая плита и раковина, под ней – моечная машина. В стену вмонтирован холодильный шкаф, панель управления ярко подсвечивает веселым оранжевым огоньком.

Не думая больше о странности происходящего, я толкнула дверь. Обстановка оказалась именно такой, как я и думала. Разве что кухня не была пуста. За столом, накрытым яркой узорчатой скатертью, сидела женщина. Она что-то шинковала вручную и сыпала в стоящую перед ней коричневую глиняную миску. Лицо ее оказалось мне хорошо знакомым. Именно такой я видела и запомнила ее при жизни. Русые волосы, ни разу не тронутые химическими красителями, собраны в тугий пучок, чистые голубые глаза светились добротой. Мелкие морщинки-смешинки, совсем не старящие женщину, придавали ей озорной вид.

– Бабушка?! – шепотом окликнула я женщину.

– Селена, – бабушка вскинула голову и улыбнулась родной теплой улыбкой, – проходи, я ждала тебя.

Все еще ничего не понимая, я зашла на кухню. У ног бабушки на полу заметила маленького мальчика – он тихо играл с какими-то цветными крышечками, совсем не обращая на меня внимания. Худенький малыш и какой-то болезненный. Темные волосики чубчиком лежали на макушке, синие круги под глазами делали его мало похожим на живого. Но глаза, большие и голубые, так похожие на мои, выдавали в нем родственника.

– Познакомься, внученька, – бабушка положила руку на голову мальчишки и чуть пригладила его непослушные локоны. – Это твой брат. Имя, к сожалению, ему дать не успели, но я зову его Эваном. Думаю, если бы он родился, то именно так бы его и назвали.

Услышав свое имя, мальчишка вскинул голову и не мигая уставился на меня. Он так похож на отца. Те же черты лица и пышные кудри на голове. Непроизвольно я улыбнулась ему и тут же получила ответную улыбку. Присев на корточки рядом, взяла голубую крышечку от детского напитка – перед мальчиком их лежало несколько.

– Эта моя любимая, – шепнул он. – А ты к нам навсегда?

– О нет, милый, – хохотнула бабушка. – Селене еще рано, и судьба у нее совсем иная. Я ведь рассказывала тебе, разве ты не помнишь?

Мальчишка чуть насупился и стал похож на милого худенького бурундука.

– Ты говорила, она позаботится обо мне, когда ты уйдешь. Почему она не останется? Она мне нравится.

Этот странный диалог как-то не вязался с действительностью.

– Бабушка, что происходит? – шепнула я.

Встав, выдвинула стоящую под столом шаткую табуретку и села за стол перед ней. Бабушка не постарела ни капли. Ничего схожего с той мертвой женщиной, которую я нашла на металлической платформе несколько месяцев назад.

– Ты ведь умерла?!

– Я знаю милая, знаю, – горько усмехнулась она, – все так не вовремя. Я хотела найти тебя. Уж не знаю, на что, старая, надеялась. Да и как искать, ведь и имени твоего не сохранилось. Надеялась пустить слух о том, что ищу девушку по имени Селена среди мигуми, и ты сама на меня выйдешь. Уж больно хотелось верить, что ты захочешь встретиться. Но не успела. Как видишь, умерла, – она как-то виновато развела руками. – Уйти бы мне за грань, да не смогла маленького здесь бросить. Пока он переродится... заждался уж тебя малыш.

– Меня? – удивилась я. – Бабушка, ты вообще о чем?

Признаться, я действительно не понимала, о чем она толкует. Какая грань, куда кто перерождаться будет и при чем тут я?

– Сейчас это все неважно, внучка, – тоска звучала в ее словах, – все уже совсем неважно. Я хочу, чтобы ты пообещала мне одну вещь. Ты ведь всегда была очень умной девочкой, моей славной малышкой. Обещай мне одно, Селена.

В ее голосе была мольба и столь непривычная мне нежность. Я и забыла, каково это, когда тебя любят. Интересно, что такого важного хочет попросить у меня бабушка? Признаться, ни одного предположения в голове не возникало. Но что бы там ни было, я, конечно, соглашусь. Очень хотелось сделать приятное родному человеку, пусть и умершему.

Чье-то легкое прикосновение отвлекло меня от невеселых мыслей. Братик, отложив в сторону свои крышечки, пытался забраться мне на руки. Он усердно загибал ножку, цепляясь за мою одежду в попытке подтянуться повыше. Подхватив его под руки, я удобно усадила его к себе на колени. Малыш вмиг успокоился и притих.

Странно, но я была уверена, что пару минут назад мой брат выглядел старше. Сейчас же я держала на руках трехлетнего карапуза, который так доверчиво ко мне жался.

– Он удивительный мальчик и совсем не заслужил той судьбы, что имеет. Я надеюсь, когда придет время, ты будешь очень его любить, – выдохнула бабушка, нежно глядя на нас.

Время... Что-то стало до меня доходить. И тревожная мысль забилась в голове звоночком.

– Я скоро умру, да?

Ожидая подтверждения своей догадки, я уставилась на бабушку. К смерти нас готовили с самой школы, но все же услышать о приближении столь безрадостного события было как-то страшно.

– Вот об этом, милая, я и хочу тебя попросить, – бабушка выдержала многозначительную паузу, заставив меня как-то собраться. – Я прошу тебя выжить любой ценой, Селена. Ты слышишь меня, внучка? Я хочу, чтобы ты боролась до последнего. Спротивлялась, преодолевая боль и страх. Я хочу, чтобы ты жила! Слышишь, родная моя? Жила, несмотря ни на что! Я не смогла позаботиться о тебе при жизни, но просто не имею права оставить тебя после смерти. Ты должна, просто обязана жить до последнего глотка воздуха, до последнего выдоха. Живи, моя маленькая девочка, сохрани жизнь любой ценой.

От ее слов мне сделалось дурно. Какой-то посторонний громкий скрежет вырвал меня из сна. Проморгавшись, не сразу поняла, где я и реальность ли это? В следующее мгновение замерла. На капоте моего левиакара, всего в метре от меня, сидела большая черная птица. Ее глаза зорко следили за мной. В черном оперении играли блики яркого солнца.

Ворон!

Виденная много раз на картинках, в реальности птица оказалась крупнее и внушительнее. Словно под гипнозом, я следила за каждым ее движением. Ворон не испытывал и намека на страх. Взмахнув крыльями, чуть шкрябая когтями металл капота, он приблизился к опущенному лобовому стеклу. Вгляделся в мое лицо, склонив голову набок, словно искал там нужные эмоции. Возникла мысль, что ворон этот вполне разумен. Он наблюдал за мной еще пару мгновений, а затем, издав оглушающее «крук», сорвался с места и, обдав меня потоком воздуха, скрылся за деревьями. А я так и сидела, не шевелясь и не понимая, где сон, а где уже реальность.

В чувство меня привел сигнал проезжающего вдалеке грузового состава. Отмерев, на подрагивающих ногах медленно вышла из левиакара и буквально сползла на землю, откинув голову на капот. В небе неторопливо плыли белые пушистые облака. Легкие и воздушные. За спиной все так же поскрипывали высокие сосны. Странное умиротворение разлилось внутри. Так хорошо мне не было уже давно.

В свою квартиру возвращалась уже после заката. Громкое урчание живота напомнило, что сегодня, кроме утренней булочки, я так ничего и не съела.

Остановив левиакар возле супермаркета, я вошла внутрь. Все здесь работало по принципу самообслуживания. Взяв корзину на магнитной платформе, двинулась вдоль стеллажей с товарами. Баночки, бутылочки, пластиковые упаковки с крупами, сложенные пирамидками, совсем не привлекали. Мясная продукция, натуральная и синтетическая, рыба без пометки о происхождении, какие-то морские гады – все это можно было бы купить, если у тебя большая семья. А так, чтобы в холодильном шкафу месяцами перемораживалось, незачем.

Моя небольшая продовольственная корзинка скользила по воздуху чуть впереди меня. Так и не решив, что буду готовить на ужин, просто купила полуфабрикат какого-то супа с вычурным названием и порцию жареного картофеля. По приходе домой это необходимо будет только разогреть с небольшим количеством воды. Пропустив покупки через кассовую ленту, расплатилась на выходе. Взять пакет для продуктов я забыла, поэтому пришлось нести все в руках.

Подъехав к дому, заглушила движок. Но из салона не вышла. Признаться, не хотелось возвращаться в вечно пустующую квартиру, в которой даже моих личных вещей был минимум. Я по привычке безошибочно отыскивала свое темное окно. Оно отличалась от остальных. На нем не было никаких занавесок, не стояли там и цветы. Ни вазы, ни горшочков декоративных, абсолютно ничего. Словно и не жил там никто.

Да и в самой квартире пусто и неуютно. Не висели на стенах картины, не красовались на журнальных столиках разные бесполезные статуэтки из натурального дерева, так популярные сейчас. Кровать не застелена ярким покрывалом, полы не покрыты узорчатыми паласами. Я никогда не покупала ничего в дом, даже посуда была казенной, белой и неказистой. Очень сложно вить уютное гнездышко, когда даже не уверен, что завтра ты все еще будешь жив, что очередная поездка не станет последней. Никогда в моей жизни не будет любимого и любящего мужчины, не обниму я и собственного ребенка. Даже кот для меня непозволительная роскошь. Кому будет нужно мое пушистое животное, если в один прискорбный момент я не вернусь домой?

Да никому. Как и я сама.

С такими мыслями я выбралась на улицу и неспешно двинулась в дом. Проходя возле соседской двери, вновь услышала скандал, который, казалось, и не прекращался вовсе. Но в этот раз проходить мимо не стала. Остановившись, нажала звонок вызова. Хотя у нас и стояли домовизоры, ими редко кто пользовался. Вот и сейчас дверь почти мгновенно распахнулась, и на пороге показался молодой сосед. Вид у него был помятый. Недельная щетина и мятая футболка говорили о том, что дома он провел не одни сутки.

– Уволили? – озвучила я свою догадку.

– Сократили, – поморщившись, нехотя ответил он мне.

– А ругань по поводу чего?

Не мое дело, знаю. Но и слушать это изо дня в день нет никаких сил. Да и малышку их жалко.

– Устроиться никуда не могу, не берут. Даже на собеседования не приглашают. А денег в доме больше не становится! – поделился своей бедой сосед, кажется, Макс.

– А чего так? Вроде ты инженер-механик, востребованная профессия.

– Не знаю я, не объясняют они. Везде одно и то же – «в вакансии отказано», – раздраженно выдал он и поморщился, как от зубной боли.

Это действительно странно. Я очень редко интересуюсь чужими проблемами, но, похоже, это именно тот случай, когда моя помощь лишней не будет. Из-за двери высунулась жена Макса, ее имени я не помнила. На руках она держала пухленькую девчущку, придерживая ей голову.

– Может, войдете? – вежливо предложила она, видимо подозревая, что в квартирах рядом прилипли к дверям соседи, подслушивая, а то и подглядывая в видеоглазок.

Ничего не говоря, я вошла внутрь. Здесь было слегка не прибрано. Кое-где валялись вещи и стояли грязные желтенькие тарелочки. Сразу видно, что тут жили, а не просто ночевали время от времени.

– Когда тебя сократили? – возобновила я свой расспрос, едва за мной закрылась дверь.

– Недели три назад, – ответила за Макса жена.

– Сейчас разберемся.

Я активировала свои портативные гало-очки. Перед лицом появился непрозрачный щит, закрывающий почти все.

– Полное имя назови.

Моего лица соседи не видели из-за черного щита перед ним, но смотреть, как их лица вытягиваются в изумлении, было забавно.

– Макс Демьяч, – пробормотал сосед, пытаясь заглянуть за черный щит.

Усмехнувшись, я активировала панель вызова. Перед глазами появилось окно с параметрами запрашиваемого адресата.

– Девятьсот пятьдесят первая, – озвучила я имя того, кого хочу услышать. Спустя несколько секунд передо мной появилось заспанное лицо коллеги.

– Семьсот сорок шестая, я надеюсь, это что-то личное и ехать никуда не надо, – она подавила зевок. – Я минут пять как вернулась с базы, целый день восстанавливала лицо бедолаги, расплющенного на прессе на местном заводе.

– Это личное. Узнай мне информацию по объекту. Имя – Макс Демьяч.

Я уселась в ближайшее кресло. Громкую связь не выключала, поэтому соседи мою собеседницу прекрасно слышали.

– Тебе все подряд или что-то конкретное? – устало пробормотала девятьсот пятьдесят первая.

– Конкретное. Почему ему отказывают в работе? Парня сократили с месяц назад.

– Минутку.

Я услышала тихий писк ее портативного компьютера, тихие щелчки по кристаллической клавиатуре. В комнате повисло молчание, нарушила которое моя незримая коллега.

– Да, двадцать один день назад он получил уведомление о разрыве трудового договора. Хм... Парня сократили с нарушением трудового кодекса. Выплат за три последующих месяца не дали, новым местом работы не обеспечили, а чтобы жалобу не подал, так и с базы не удалили. Официально он еще числится среди работников компании «Рихард и Ко». Пока он там висит, новую работу ему не найти. По-хорошему, парню нужно подавать жалобу. А по-плохому, позвонила бы ты этому Рихарду с его «Ко» и пригрозила проверкой его деятельности.

– Присылай телефон, – пробурчала я. Откровенно хотелось уже поужинать и завалиться на кровать. Пощелкать каналы телевизора, может, что-нибудь посмотреть.

На визоре высветились цифры телефона. Не прерывая связи с девятьсот пятьдесят первой, я отправила запрос этому номеру. Ответили быстро.

– Дуклас Рихард слушает. Откуда у вас мой личный номер? – голос был высокомерным и, чего скрывать, неприятным.

– Доброй ночи, господин Рихард, с вами разговаривает командир седьмого карательного отряда мигуми, – я выдержала небольшую паузу, позволяя оценить всю степень неприятностей, грозящих моему собеседнику. – Месяц назад вами был уволен сотрудник Макс Демьяч. Если через десять минут он все еще будет висеть в вашей базе и не получит компенсации за сокращение в полном объеме, то с утра я приду к вам в гости. Вряд ли вы будете мне рады, господин Рихард. Мне вообще редко кто бывает рад. Мы поняли друг друга, господин Рихард?

– Более чем, – глухо раздалось на всю комнату, – данное недоразумение с господином Демьяч будет исправлено в установленный вами срок.

– Прекрасно! Спокойной ночи, господин Рихард.

– Спокойной ночи, мадам мигумы.

Произнесено это было предельно вежливо. Какой понятливый оказался. Видимо, есть что проверять в деятельности его фирмы.

Через десять минут Макс с женой получили не только все выплаты, но и приглашение на собеседование от логистической компании. Ну а я, выслушав порцию пламенных благодарностей, наконец-то пошла отдыхать.

Дома на автоответчике меня ждало короткое сообщение:

«Семьсот сорок шестая, срочный приказ – незамедлительно явиться в институт экспериментальных разработок на Ганимед».

Вот и отдохнула.

Забросив вещи в рюкзак, я вышла из квартиры.

Глава 3

Орбита Юпитера, Спутник Ганимед, Поселение Астерград

Вместо того, чтобы наслаждаться заслуженным и положенным мне отдыхом после выполнения задания, я провела десять часов в пассажирском крейсере. Заняв свое место в салоне, я тут же поняла, что комфорт мне не светит. Мало того, что мое сиденье оказалось центральным, так ещё и справа от меня на не слишком широком кресле еле уместилась весьма упитанная женщина, плечи которой так и норовили занять часть спинки моего сиденья. А в довершение этого перед самым вылетом стюардесса с самой миролюбиво-приторной улыбочкой уместила слева молоденькую женщину с грудным младенцем.

Поездка оказалась кошмарной.

Ближе к посадке я, окончательно вскипев, занималась медитацией, мысленно сворачивая грациозную шейку стюардессе, решившей, что молодой мамочке, впервые севшей на борт космического судна, будет куда спокойней рядом с мигумы. Уж ей действительно было ну очень спокойно! О да! Она прямо светилась умиротворением, впихнув мне под ноги сумку со всем барахлом, необходимым младенцу в дороге. На меня складывались всевозможные детские крошечные кофточки и штанишки, на которые срыгнули или описали.

Я стоически таскала обгаженные подгузники в утилизатор в дальнем конце салона, держала крошечные ножки, когда пришел черед обтирать грязную попку, а также укачивала этот мелкий верещащий комочек, пахнувший молоком, чтобы руки ее мамочки слегка отдохнули. И всё это под дельные советы по воспитанию порядочной дочери от толстой женщины.

Выслушала не только всю ее биографию, но и биографию ее дочерей и их мужей. К концу полета я была готова пристрелить все это святое семейство.

Выходя на посадочную платформу, я одарила стюардессу таким взглядом, что та побледнела и, несомненно, зареклась сажать кого бы то ни было рядом с мигумы.

Взяв в аренду мощную танкерту, я поехала в институт, чтобы встретиться там с некими господами Марво и Зейк. Эти фамилии мне, в общем-то, ни о чем не говорили. Вроде ученые какие-то.

Гусеницы тяжело скользили по дороге. Огромную машину немного потряхивало на выбоинах. Дороги тут были в удручающем состоянии, и производить ремонт местный градоначальник не торопился.

Весь путь занял не более получаса.

Нужное здание отыскалось легко. Обычная типовая трехэтажка, а за ней – территория порта, принадлежащего экспериментальному центру. В небе, на значительной высоте, виднелись посадочные платформы и швартовые кольца. Отсюда запускали пробные модели новейших крейсеров и пассажирских лайнеров. Тут работали лучшие умы солнечной системы и погибали во время полетов опытейшие пилоты, к которым относилась и я.

Зачем меня вызвали сюда, я уже поняла – нужен пилот для очередного экспериментального полета. А вот то, что вызвали мигумы, настораживало. Видимо, тестировать будут что-то секретное. И если все пройдет неудачно, то сам проект прикроют, а трупы припрячут.

Настроение портилось с каждой минутой.

Игнорируя тесный лифт, в который уже набилось несколько человек, я скользнула на лестничную площадку. Влетела наверх намного раньше ползущего металлического короба.

Вообще не понимаю, зачем в трехэтажном здании лифты?

В приемной господина Марво меня встретила секретарь, сидящая за небольшим стеклянным столиком со встроенной кристаллической клавиатурой. Молодая привлекательная женщина с шикарным бюстом была так увлечена своим маникюром, что пропустила бы и ядерный взрыв за окном, и захват всего научного центра. Что уж говорить о приходе одной скромной мигумы?!

Держа в руке небольшой портативный окрашиватель, грудастая секретарша по очереди окунала в него пальчики и, вытаскивая, любовалась новым слоем лака. Затем на небольшой панельке устройства меняла рисунок, и процесс окрашивания повторялся. Один рисунок, второй, третий. Мое же присутствие полностью игнорировалось.

Терпение медленно истощалось.

Пройдясь по приемной, я нагло уселась в мягкое кресло и замерла, ожидая дальнейших действий секретарши. Докрасив мизинчик, та соизволила приступить к своим обязанностям.

– А вы, простите, кто? – в ее голосе звучало высокомерие.

– Я? – издевательски переспросила я.

– Да, вы! Находиться в приемной можно лишь специально приглашенным, остальные ждут в общем коридоре.

– Ну, тогда я посижу здесь, – усмехнулась я.

– Вас приглашали? Назовите свое имя!

Моя бровь непроизвольно выгнулась. Это она так шутит или действительно не понимает, кто перед ней?

– Семьсот сорок шестая, – ответила я, увлеченно наблюдая, как дамочка пытается заставить работать несуществующие мозги.

– Я имя ваше спросила! – заверещала она. – Извольте отвечать!

– Так я вам и ответила. Мое имя – семьсот сорок шестая.

– Не бывает таких имен! Немедленно отвечайте, или я вызываю охрану, – пригрозила секретарь, помахивая указательным пальчиком.

– Да пожалуйста! Нужная кнопка под столом справа, – подначила я.

Признаться, не ожидала и впрямь увидеть охранников. Влетевшие в приемную женщины в синей форме с именованными нашивками на груди, замерли на пороге статуями.

– Вот, разберитесь с ней! Сидит тут, голову мне морочит. Наглая, аж жуть, уселась без разрешения и имени не называет, – секретарша ткнула в мою сторону наманикюренным пальчиком. – Я ей говорю – представьтесь, а она дурная какая-то, мне циферки говорит. Выкиньте ее в коридор, пусть там сидит, а то развалилась здесь.

По мере ее монолога лица охранниц вытягивались. Я же сидела и с откровенным интересом ждала, чем закончится весь этот спектакль. Как меня, дурную такую, выкидывать будут?!

Ожидала выговора от охранниц нерадивому секретарю, или еще чего-то там. Но нет. Одна из женщин в форме, закатив глаза и ни слова не говоря, прошла в кабинет к начальству. Спустя пару секунд на пороге приемной возник мужчина.

– Госпожа мигумы, я прошу прощения за своего секретаря, она всего неделю занимает данную должность и еще не освоилась. Мы очень рады вас видеть, – мужчина искренне мне улыбнулся. – Если вас не затруднит, подождите пару минут, у меня совещание.

И, переведя взгляд на грудастую дамочку, он рыкнул:

– Хельга, приготовь кофе нашей уважаемой гостье!

Кивнув мне, мужчина скрылся в кабинете.

– Приносим извинения за беспокойство, – пробасили охранницы и тоже откланялись.

Я вновь осталась наедине с секретарем. Женщина, поджав губки, крутилась возле кофейного аппарата и решала, какую кнопку ей нажать.

– Красную, – подсказала я.

– Что? – откликнулась она.

– Чтобы получить простой черный кофе, жмете красную кнопку, кофе со сливками – белую.

– А синенькая? – заинтересованно уставившись на панель управления кофеваркой, спросила секретарь.

– А синенькая – это капучино, – пробурчала я устало.

– А откуда вы знаете? – не унималась секретарь.

– А там сбоку написано. На боковой стеночке.

Хельга недоверчиво глянула на боковую панель кофеварки и удивлено вскрикнула:

– Ой, и правда – все написано!

Теперь глаза к потолку возвела я.

На стене напротив кресла, в котором я сидела, висело зеркало. Задумавшись и потягивая кофе, я рассматривала свое отражение. С зеркальной поверхности на меня чистыми голубыми глазами серьезно смотрела молодая невысокая девушка в серой форме. Светло-русые волосы собраны в тугую косу, спускающуюся ниже лопаток. Умное точеное лицо.

Я никогда не пользовалась косметикой, но и без нее была классической красавицей. Правда, моя привлекательность мне ни к чему. При рождении я получила все, о чем может мечтать девушка: красивое тело, шикарную грудь, привлекательное лицо с правильными чертами, но так ни разу и не воспользовалась всем этим. Важен был только ум, все остальное лишь мешало, вызывая ненужный мужской интерес.

Допив кофе, я отвела взгляд от зеркала. А потом и вовсе встала, подошла к окну. Я родилась на этой планете, но посещала ее очень редко. В моем детстве поселения Ганимеда виделись мне в несколько более радужном свете. Сейчас же я понимала: в чем-то мой отец был прав.

Все, что я видела из окна на третьем этаже, казалось серым и безликим. Серые дома, сложенные из крупных блоков, серое покрытие, устилающее землю, серые кадки, в которых, видимо, должны расти деревья. Только их не было. Ни цветов, ни зелени – ничего, что могло бы порадовать глаз. Серость и убогость.

За спиной скрипнула дверь, и в приемную вышли мужчины. Бросив короткий взгляд в мою сторону, они скрылись в коридоре. Остался только хозяин кабинета – господин Марво. Вид у него был несколько потрепанный, словно он выдержал горячую дискуссию. И, судя по блуждающей улыбке на его губах, вышел из нее победителем.

Я молча прошла в его кабинет и присела на стул рядом с большим тяжелым столом, на котором грудой лежали папки и отдельные цифровые листы с какими-то схемами и чертежами.

– Еще раз прошу прощения за инцидент в приемной, – начал господин Марво. – Я очень признателен, что вы не заставили себя ждать. Дело в том, что нам необходим опытный пилот. Вы ведь понимаете, наверное, как никто другой, что нам остро необходимы космические судна, способные развивать куда большие скорости, чем те, что мы имеем сейчас. В общем, группа наших ученых под руководством доктора Зейка разработала принципиально новое ядро, которое бы решило эту проблему, но есть существенные недоработки... В общем, вы нужны нам для испытаний.

– Испытания уже проводились или это будет первым?

– Были. Конечно, были. Никто бы не стал просто так рисковать вами. Не так много у нас пилотов вашего класса среди мигуми. Результаты испытаний обнадеживающие, но несколько не такие, как мы ожидали.

– Подробнее, если можно, господин Марво.

На его лезть о пилотах моего класса я не купилась. Таких, как я, хватало, пустят в расход и не заметят.

– Конечно-конечно, – он сел за свое рабочее место и уставился на меня, его глубоко посаженные глазенки бегло прошлись по моей фигуре, задержались в районе груди и нырнули за

ворот майки, надетой под куртку. – Первый пилот, к сожалению, погиб. Не выдержал нагрузок во время кратковременного гиперпрыжка. Второй же перенес полет замечательно, без последствий для здоровья, но корабль обнаружился не совсем там, где мы ожидали.

Мужчина, не переставая, поедал меня глазами. Теперь понятно, что делает та дурочка у него в приемной.

– Корабль какого класса предстоит пилотировать? – вернула я его мысли в нужном направлении.

– Десантный крейсер А-класса. Много от вас не требуется. С вами полетит наш инженер, он и будет следить за ядром. Ваша же цель – все остальное, контроль и безопасность судна. Также необходимо вывести судно на нужный маршрут.

Пожав плечами, я откинулась на кресло. Вроде все просто, но в то же время именно это и настораживало. Если им требуется так мало, то чего судно не поведет простой пилот? Профессионалов, что ли, не найдется среди гражданских?! А я, конечно, пилот хороший, но уж точно не лучший. Чего ради тогда вытащили мигуми на экспериментальный полет?

– В чем подвох? – открыто спросила я.

Господин Марво наконец оторвался от моей груди и заглянул в глаза. Да-да, не идиотка я, поняла, что не так все и радужно.

– М-да, подвох имеется, – пробурчал он неохотно. И, осторожно подбирая слова, продолжил: – После двух неудачных полетов мы стали запускать корабли с андроидами на борту. Начало полета проходило штатно, но потом суда пропадали с радаров. Мы их до сих пор не нашли. Профессор Зейк предполагает, что ошибку раз за разом совершают андроиды. Все же это не люди, и во внештатных ситуациях они действуют по заложенной инструкции. Но в действительности мы так и не выяснили, что происходит и куда пропадают суда.

– Сколько вы потеряли кораблей?

– Три судна. Сценарий всегда один и тот же. Корабль выходит в заданный коридор, набирает нужную скорость, наши радары фиксируют остаточную энергию от гиперпрыжка – и тишина. Судно просто растворяется. Его нет ни на одном радаре Солнечной системы. Мы искали и за орбитой Нептуна, но ничего. Словно и не было.

Я невесело хмыкнула. Ничего себе подвох. Пропасть неизвестно где и как, сгинуть без следа где-то во вселенной. И это еще не самый страшный вариант, а вот если по стенкам размажет во время гиперпрыжка или расщепит на атомы... И самое гадкое – отказаться не могу, права не имею.

Если меня вызвали, то с начальством все согласовано, и одобрение на мою смерть получено. А скорость принятия решения по кандидатуре пилота учеными и моим руководством понятна. Мигуми на постоянном медицинском контроле, состояние и функции моего организма проверяются регулярно. В спешке выбрать кого-то подходящего из нас не составляет труда. Пусть мы не андроиды, но для всех мы всего лишь чуточку живее их. Кто будет считать большой жертвой исчезнувшую на очередном задании мигуми? Никто! Во имя науки жертвуют гораздо большим, нежели чуточку более живой андроид.

Естественно, новые корабли нужны, иначе мы никогда не выберемся за пределы нашей системы. До ближайшей звезды Проксима Центавра добираться более двадцати лет. Где взять столько топлива и как возвращаться? А вот если теоретически возможные гиперпрыжки реализовать практически, тогда все изменится. Мы покинем свою систему и начнем осваивать новые колонии.

Но пока это все только в планах и в утопических мечтах. За тысячелетия, прошедшие с момента первой попытки обнаружить сигнал разумных существ, мы так ничего и не нашли. Поэтому уже давно смирились с мыслью, что в досягаемой части вселенной мы, увы, одиноки.

Административное здание исследовательского института, признаться, я покидала в растерянности. В голове роились вопросы, ответов на которые не было. Сев в танкерту, малодушно

прижалась лбом к рулю. Перспектива пропасть где-то в космосе не радовала совсем. Почему-то терзало чувство обреченности, и еще этот недавний сон... Я не была суеверной, но и отмахнуться от странности происходящего не могла.

Заведя свой транспорт, направилась к гостинице, расположенной буквально на соседней улице. Сняв одноместный номер, не разуваясь, упала на кровать. Сон мгновенно накрыл с головой.

Проснувшись спустя всего три часа, чувствовала себя разбитым корытом. Явиться на стартовую площадку мне предстояло только завтра во второй половине дня, так что остаток дня сегодняшнего полностью в моем распоряжении. Помаявшись в номере, решила на то, чего никогда до этого не делала. Надев единственную гражданскую одежду – облегающую красную кофточку и черные штаны свободного кроя, я спустилась в ресторанчик, расположенный на первом этаже. Заняв свободный столик, заказала стейк средней прожарки и легкий салатик. Ну и да, бутылку хорошего вина с марсианских виноделен.

Закон я, конечно, нарушала, но кто же меня накажет?

Вечер прошел замечательно. Я наслаждалась вином и слушала выступление местной музыкальной группы. Живую музыку в наше время можно послушать только так. Лирические напевы красивой, яркой как птичка девушки затрагивали тайные струны души. Хотелось плакать и смеяться.

Я оплакивала себя, в который раз с завистью наблюдая за семейными парами и ловя на себе заинтересованные взгляды редких одиноких мужчин. К такому вниманию я не привыкла, но мне было безумно приятно. Приятно ощущать себя не орудием для убийства, для истребления негодных элементов, для усмирения бунтующих зеков. Красивой молодой женщиной.

Вино приятно ударило в голову. Перед смертью и шикануть не страшно – я заказала земных крабов. Всегда хотелось попробовать их. По телевизору часто критиковали политиков и уличали их в злоупотреблении этими продуктами. Мне повезло – в этой гостинице часто оставались местные знаменитости и владельцы шахт на поясе астероидов, поэтому в меню такое блюдо числилось.

Аккуратно разбирая этого морского гада, я поняла, что денег он своих определено стоил. Мясо таяло во рту, покоряя ни на что не похожим вкусом. В комнату вернулась в разгар ночи. Стянув с себя одежду, нырнула под одеяло и впервые за несколько месяцев уснула спокойно, не отвлекаясь на тяжелые мысли.

Просыпалась неохотно. И климат, и временные параметры на Ганимеде сильно отличались от привычных земных. Тяжелый перелет и, чего скрывать, излишки выпитого ночью вина сделали свое дело. Я чувствовала себя разбитой. На уме лишь одно желание – выпить чего-нибудь похолоднее. Но сама мысль, что надо встать и заказать это самое «похолоднее», вгоняла в депрессию.

Мозг оживал нехотя и настойчиво просил выходной. Но позволить себе такой роскоши я не могла. Буквально через пару часов мне предстоит, возможно, последний полет в моей жизни, поэтому нужно приводить себя в порядок и задавать организму рабочий ритм.

Прийти в себя помог долгий контрастный душ и легкая тренировка.

Спускаясь к стоянке, на которой стояла моя взятая на прокат танкерта, я представляла собой образчик хладнокровной и собранной мигуми. Но сердце тугими узлами опоясывал страх. Инстинкты бились в панической истерике и буквально вопили бежать. Улетать отсюда и никогда не возвращаться, потеряться, исчезнуть. Главное, ни под каким предлогом не садиться в этот трижды всеми проклятый десантный крейсер.

Хотелось выть. И, наверное, впервые в жизни я отчетливо поняла, что желаю оказаться за широкой мужской спиной – там, где будет надежно и безопасно. Но такого укрытия для меня просто не существовало. Ничего не оставалось, кроме как, обмирая от ужаса, идти вперед, навстречу собственной гибели.

На стартовой площадке царил хаос: туда-сюда шныряли ученые в белых комбинезонах. Кто-то что-то замерял, обмерял и перепроверял. Я украдкой глянула на это их ядро, установленное в нижнем техническом отсеке. Признаться, зрелище завораживало и угнетало.

Посреди огромного корабельного помещения парила полупрозрачная энергетическая сфера. Изнутри нее постоянно вырывались жгутоподобные субстанции, для которых у меня не нашлось определения. Но им не удавалось далеко отлететь от ядра: хаотично крутящиеся вокруг сферы обручи из жидкого металла, похожего на ртуть, улавливали их и поглощали.

Зрелище казалось чем-то фантастичным и существующим вопреки всем законам физики. Но я привыкла верить своим глазам и явственно видела с трудом контролируемый сгусток яростной энергии, сдерживаемой растекающимся, но тем не менее удерживающим форму обруча металлом.

Это напугало меня еще больше.

На мостике, помимо меня, готовили к отлету еще одну совсем молоденькую девушку. И это их обещанный инженер! Признаться, казалось, что она только со школьной скамьи слезла. Бегающие на бледном личике зеленые глазки выдавали ее крайнюю растерянность и непонимание происходящего. Девчушка в белом нелепо висящем на ней комбинезоне, то усаживалась в свое кресло, то вскакивала и устремлялась к выходу, где ее ловил профессор Зейк и снова возвращал на место.

Это возмутило меня до глубины души. Девочка явно гражданская, и заставить ее лететь никто не может.

– Она не летит! – безапелляционно заявила я.

– Что? – переспросил доктор, явно не понимая, о чем я вообще.

– Я сказала, этот ребенок со мной не летит! – уверенно и даже нагло повторила я.

Зейк поморщился и, придав лицу вдохновенный вид, принялся вещать мне о бытие людском.

– Вы не понимаете, госпожа мигуми, мы на пороге великого открытия. Наши корабли в скором неминуемом будущем устремятся к звездам, человечество выйдет...

– Да начхать мне на то, куда выйдет человечество! Я вам говорю, что эта девочка никуда не летит. А если вас так заботит успех вашего великого открытия, то занимайте ее место. На чужих смертях в рай не въедешь, господин Зейк, тем более пуская в расход детей.

Профессор смотрел на меня, открывая и закрывая рот. Видимо, привыкший к почитанию и безмерному уважению, даже подхалимству, он впервые слышал нечто подобное. Девчушка же с такой бешеной надеждой смотрела на меня, что стало немного не по себе.

– Фалима – не ребенок, она будущий ученый. Светило...

– Будущий?! О каком будущем идет речь, господин Зейк, откуда у нее оно – это ваше мифическое будущее? Эта девочка не летит и точка. Если вас что-то не устраивает, то еще раз, для непонятливых, повторяю – садитесь в кресло рядом со мной, и вперед, к счастливому будущему. А ребенок уходит отсюда домой.

– Вы... вы не имеете права! – зашипел на меня вмиг растративший весь пафос Зейк, брызгая слюной. – Она нужна здесь, чтобы я мог убедиться, что ошибку совершают не андрониды. Она нужна здесь! Я хочу удостовериться в том, что ошибка не в расчетах. Мое открытие... оно войдет в историю.

– Зейк, вы действительно можете попасть в историю – и куда быстрее, чем думаете. Вы, кажется, забыли, кому посмели перечить. Я все еще мигуми, и моя первоочередная задача – заботиться о благополучии гражданских лиц.

Я криво ухмылялась уголками рта. Мне был противен этот мужик. Рожа мерзкая.

– Вы не понимаете, с кем говорите, – кипел профессор, его лицо приобрело пунцовый оттенок.

– Это ты, Зейк, не понимаешь, с кем говоришь. И, кажется, не отдаешь себе отчета в том, чем этот разговор может для тебя закончиться.

В этот момент на мостик поднялся озадаченный господин Марво. Увидев его, Зейк аж подпрыгнул.

– Марво! Вы... вы даже не представляете. Это саботаж! Эта особа пытается сорвать весь мой проект, помешать свершиться великому открытию...

– В чем дело, господин Зейк?

– А дело в том, что эта девочка со мной не летит! – вмешалась я, ситуация начинала бесить. – Вы бы еще с яслей младенца притащили.

Марво глянул на молоденькую Фалиму, словно впервые ее увидел. Потом зарылся в свои бумаги и пошел багровыми пятнами.

– Зейк, ты кого протащил сюда? Да как ты вообще посмел моим именем прикрыться? – Его взгляд пылал неподдельной злостью. – Я снимаю тебя с проекта, все твои расчеты конфискуются в пользу института. Ты, гаденыш, моими руками решил свою соперницу устранить? Не хочешь с девчонкой славой и открытием делиться?! Ну что ж, значит, во главе проекта встанет она, а я присмотрю, чтобы справилась. Тебя же сейчас выведут за ворота! – последнее он буквально провозгласил. – Я никому не позволю себя использовать. Ты понял меня, Зейк?

После того, как начался отчет к старту, на сердце было уже не так сумрачно. Все же последний свой бой, будучи мигуми, я выиграла. Последней спасенной мной жизнью стала молоденькая девочка с красивым именем – Фалима. На прощанье она горячо обняла меня и, пряча слезы, произнесла короткое «спасибо».

Но мне этого было достаточно.

Хотелось верить, что у нее все будет хорошо. Меня с малолетства готовили к тому, что однажды – и скорее рано, чем поздно – я умру. Заставляли выработать привычку относиться к каждому заданию как к последнему. Ноя не была готова и сейчас отчетливо понимала это. Я безумно, до зубовного скрежета хотела дышать, чувствовать и жить.

Жить вопреки всему и всем.

Корабль, удачно отстыковался, вышел на заданный курс. На мониторе перед глазами мелькали цифры. Но я словно не видела их, отстранено понимая, что судно разгоняется.

Пять минут полета...

Я вывела крейсер в заданный коридор и автоматически доложила в командный пункт на Ганимеде:

– Пять минут, полет в штатном режиме.

И хотя голос мой звучал ровно, пальцы, включающие ускорение, предательски дрожали. Сердце сходило с ума в безумном ритме, грозя разорвать грудную клетку.

Десять минут полета...

Я скорее инстинктивно почувствовала, чем отметила на мониторе изменения, произошедшие с кораблем. До гиперпрыжка оставалась еще пара секунд, когда меня прижало к креслу. Сделав судорожный вздох, ощутила во рту привкус крови. Глаза опалило огнем, уши заложило так, что звук собственного сердца звучал набатом. Ломающая изнутри боль раздирала.

Казалось, прошла вечность, прежде чем меня отпустило. Внезапно, будто плиту, прижимающую меня к креслу, просто подняли.

Обессилив, я сползла на пол. Машинально достала из кармана медкомплект и, не раздумывая ни секунды, вколола себе, прижимая специальные ампулы к шее. Сначала обезболивающее, а потом и генетические хаониты. То, что у меня внутренние повреждения и, возможно, разрывы тканей, и так было понятно.

Одно поражало: как я вообще выжила?!

А главное, как долго продлится эта моя жизнь? Система молчала. Корабль медленно затихал, поочередно отключались приборы освещения. Все вокруг погружалось в непроглядную тьму.

Глава 4

Глубокий космос, десантный крейсер А-класса «Судроу»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.